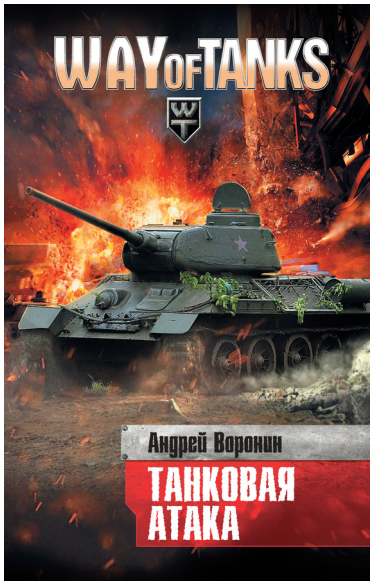
WAY OF TANKS
Андрей Воронин
ТАНКОВАЯ АТАКА

Андрей Николаевич Воронин

Слепой. Танковая атака

Серия «Слепой», книга 36

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8337212
Воронин А. Слепой. Танковая атака: роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083301-6

Аннотация

В российский районный центр поздней ночью невесть откуда прикатывает T-VI, знаменитый в годы Второй мировой войны немецкий танк «тигр». Снеся двумя меткими выстрелами здание местной мэрии и стоявший рядом памятник – не менее знаменитую советскую «тридцатьчетвертку» на бетонном пьедестале, «тигр» бесследно исчезает – и становится важным элементом в решении проблемы, которой вынужден заниматься секретный агент ФСБ.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Глава 3 25
Глава 4 34
Глава 5 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Андрей Воронин
Слепой. Танковая атака

© Андрей Воронин, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1

Погода уже вторую неделю держалась ясная, сухая и теплая – теплая, разумеется, настолько, насколько это возможно в средней полосе России во второй половине сентября. Когда ослабевшее, ленивое осеннее солнце переставало согревать землю, неспешно скатываясь за зубчатый лесистый горизонт, из сырых низин выползал плотный, белый, как снятое молоко, туман. Беззвучным медленным половодьем он затоплял равнину, расстилаясь по приречным лугам и окрестным перелескам, чтобы утром, на рассвете, осесть холодной росой. В лучах низкого утреннего солнца роса вспыхивала миллиардами бриллиантовых искр, но это мало кто замечал, а те, кто замечал, далеко не всегда могли по достоинству оценить красоту открывшегося им зрелища. Так называемому простому народу на подобные вещи, как правило, наплевать – независимо от страны проживания и места постоянной регистрации у него, народа, хватает других забот, – а народ непростой в райцентре Верхние Болотники испокон веков был в дефиците. Даже члены местного общества самодеятельных художников и кружка любителей поэзии, что собирался два раза в неделю в городском доме культуры, как это часто случается с представителями российской творческой интеллигенции, предпочитали вечерние посиделки с портвейном любованию восходом. Исключение составляли лишь те случаи, когда восход заставал их на лоне природы, там, где они уснули, не сумев дойти до дома, но и тогда их мутный с похмелья взор оставался слеп к неброским прелестям среднерусского пейзажа. Что же до росы, то она, будучи замеченной, воспринималась как жестокое издевательство мачехи-природы над изнывающим от мучительной жажды непутевым дитятей.

Зато роса питала землю, заменяя собой заблудившиеся где-то осенние дожди. Грибов в этом году уродилось неимоверное количество, и старожилы, особенно пожилые торговки на рынке, авторитетно утверждали, что последний раз такое явление наблюдалось в далеком сорок первом, служа одним из многочисленных знамений большой беды. Зловещий подтекст этого бабьего карканья перекликался с шумихой, поднятой прессой и телевидением вокруг конца света, будто бы назначенного индейцами майя на приближающийся декабрь.

Люди здравомыслящие ко всей этой болтовне относились скептически. Им лично мудрецы племени майя ничего такого не говорили, а тому, о чем трещат коммерческие каналы телевидения, верить трудно даже при очень большом желании. Что же до торговок с их грибными знамениями, то они – дамы хоть и весьма почтенные, но все-таки не настолько древние, чтобы помнить, что да как было в сентябре сорок первого.

Но мыслить здраво в городе Верхние Болотники могли немногие. Людей, обладающих этим редким даром, на свете еще меньше, чем тех, кто способен умиляться при виде распустившегося цветка или поднявшегося над горизонтом малинового шара солнца. Их процент от общего количества населяющих ту или иную местность индивидуумов везде примерно одинаков – ноль целых хрен десятых с несколькими нолями после запятой. И если в мегаполисах их худо-бедно наскребаются сотни, а то и тысячи, то в захолустных городишках наподобие Верхних Болотников счет, как правило, идет на единицы – и хорошо, если не на дроби.

Поэтому на широкую общественность райцентра Верхние Болотники все эти мрачные слухи – как, впрочем, и любые другие, – производили весьма глубокое впечатление. Большинство, традиционно перебивающееся с хлеба на водку, дабы не впасть в отчаяние перед лицом надвигающейся глобальной катастрофы, прибегало к испытанному средству от всех скорбей и, проснувшись поутру с больной головой, испытывало даже некоторое разочарование от того, что конец света опять не наступил и надо опять начинать все с начала. Более обеспеченное, располагающее свободными деньгами меньшинство опустошало прилавки магазинов, метя подчистую спички, соль, консервы и свечи, чтобы доверху забить этим доб-

ром кладовки и погреба. В продаже появились наборы для выживания, а член кружка любителей поэзии, творящий под псевдонимом Ярослав Морев, написал:

Взойдет последняя комета,
Восстанут демоны морей…
И там, на грани тьмы и света,
Прошу, люби меня сильней!

Стихотворение опубликовали в районной газете, и уже на следующее утро на калитке дома, в котором проживал автор, появилась сделанная каким-то остряком надпись мелом: «Уже прожевана котлета, на блюде вянет сельдерей… Я подарю тебе конфету, а ты отдайся мне скорей!» Установить личность пачкуна, дерзнувшего обидеть поэта, не представлялось возможным: это мог быть кто угодно, поскольку в таких населенных пунктах, как Верхние Болотники, за псевдонимом не спрячешься, и настоящее имя пиита Ярослава Морева тут было известно каждой собаке.

Звали его Александром Ивановичем Лялькиным. Имя это, в целом вполне обыкновенное, казалось стихослагателю недостаточно громким и благозвучным, чтобы подписывать им публикуемые в районной газете и любовно собираемые в специально отведенную для этого папку вирши; для Верхних Болотников, конечно, сошло бы и оно, но Александр Иванович метил гораздо выше и не без оснований сомневался в том, что какая-нибудь звезда отечественной эстрады согласится исполнять песни на стихи какого-то там Саши Лялькина. В том, что рассылаемые через интернет многочисленные предложения поэта Ярослава Морева пока что оставались без ответа, виновато было, разумеется, не качество стихов, а несовершенство мира, в котором все делается по протекции или за большие деньги.

Не имея ни того, ни другого, поэт Морев добывал хлеб насущный путем преподавания русского языка и литературы в средней школе номер два города Верхние Болотники. Внешность он имел невзрачную, доходы смехотворные и к сорока годам окончательно сложился как закоренелый, безнадежный холостяк без каких-либо перспектив на семейную жизнь. Успехом у слабого пола он не пользовался никогда и давно свыкся с таким положением вещей. Правда, в последнее время он стал все чаще ловить себя на том, что заглядывается на своих учениц – не старшеклассниц, перед которыми откровенно робел, а тех, что помладше, лет, эдак, двенадцати – четырнадцати. Их по-детски угловатые формы и трогательные бугорки, что топорщили спереди кофточки, волновали его, притягивая взгляд. Будучи человеком относительно образованным и где-то даже неглупым, Александр Иванович знал, как называется эта внезапно прорезавшаяся склонность, но не особенно напрягался по этому поводу: дальше вороватых взглядов, исподтишка бросаемых на еще не оформившиеся девичьи прелести, дело не шло и не могло пойти, поскольку Лялькин был чересчур робок и стеснителен.

Скопившийся во время подглядывания за школьницами пар, естественно, требовал выхода, и Александр Иванович спускал его, тайком наведываясь в гости к тридцативосьмилетней вдове Аннушке, что жила в однокомнатной квартирке на верхнем этаже старого двухэтажного дома в паре кварталов от центральной площади. Аннушка славилась на весь город своей слабостью к мужскому полу; было понятно, что таким манером она пытается устроить свою личную жизнь, но на учителя Лялькина матримониальные поползновения веселой вдовы не распространялись: уж очень незавидной была партия, которую он мог составить. Это был секс без обязательств; иногда Аннушка брала себе за труд пришить пуговицу к его единственному пиджаку или погладить рубашку, когда даже под пиджаком было видно, какая она мятая; Лялькин, в свой черед, баловал ее дешевыми подарками (денег Аннушка не брала принципиально, дабы окончательно и бесповоротно не прослыть в городе проститут-

кой), и это было все. Как-то раз, на заре их вялотекущего романа, Аннушка попросила его повесить полочку в прихожей; стену после этого пришлось заново штукатурить, Александр Иванович едва не лишился двух пальцев на левой руке, и больше о помощи по хозяйству речь у них не заходила.

В последнее время поэт Морев все реже баловал Аннушку своими визитами, и на то существовала вполне серьезная, уважительная причина: Александр Иванович нашел себе еще один клапан для стравливания пара. Речь шла вовсе не о другой женщине или, упаси бог, мужчине – о, нет! Просто с некоторых пор Лялькин присоединился к семимиллионной армии зарегистрированных пользователей компьютерной игры «Танки» – попробовал из любопытства и уже не смог остановиться. Игроманом он себя, конечно, не считал, да, пожалуй, им и не был, однако денег на свою «пантеру» за год потратил больше, чем на Аннушку за все время знакомства. О какой именно сумме идет речь, он и сам не знал, потому что сесть и подсчитать реальные расходы на апргрейд виртуального танка просто-напросто боялся. Ясно было, однако, что потрачено немало: с весны предложения продать «пантеру» поступали регулярно, и в последнем речь шла аж о двух с половиной тысячах долларов. Такой суммы учитель Лялькин не держал в руках никогда, и порой его брало отчаяние при мысли, что он, взрослый человек, ухитрился незаметно для себя ухлопать такие деньжищи на усовершенствование существующей только на компьютерном мониторе машины. Тем не менее, о продаже танка он даже не помышлял; это было его детище – лучший, по мнению многих экспертов, танк Второй мировой войны, стараниями провинциального учителя русского языка доведенный почти до совершенства и стяжавший на полях виртуальных сражений славу, о которой его владелец мог только мечтать.

На днях по телевизору в выпуске криминальных новостей передали пришедшее из союзной Белоруссии сообщение о первом в истории угоне виртуального танка. Какие-то поднаторевшие в искусстве барабанить по клавишам ухари взломали пароль, украли чужую машину и успели, прямо как угнанную из чьего-то двора легковушку, распродать ее по запчастям раньше, чем их накрыли. Судя по тону ведущего, на телевидении этот случай рассматривали как курьезный, но Александру Ивановичу он таковым вовсе не казался. Его мнение наверняка разделяли семь миллионов игроков в «Танки»; Аннушка, увы, в их число не входила, и законное беспокойство Лялькина о судьбе его непобедимой «пантеры» не вызывало у нее ничего, кроме раздражения.

Сегодня дело у них дошло до настоящей ссоры. Заметив, что Александр Иванович нынче рассеян сверх обычной меры и при этом явно не может усидеть на месте, Аннушка язвительно осведомилась, о чем это он все время так напряженно думает – уж не о своей ли любимой игрушке? Лялькин ответил утвердительно; острая на язык вдовушка, не стесняясь в выражениях, высказалась в том смысле, что взрослому дядечке не пристало возиться в песочнице, пусть себе и виртуальной, и переживать из-за такой не стоящей выеденного яйца чепухи, как танк – мало того, что игрушечный, так еще и никогда не существовавший в действительности, нематериальный и потому ни черта не стоящий. Язвить она умела виртуозно, и задетый за живое поэт Ярослав Морев, не успев поймать себя за язык, с горделивым и пренебрежительным видом развеял ее заблуждение, сообщив, что за эту не стоящую выеденного яйца чепуху ему буквально на днях предлагали две с половиной тысячи зеленых американских рублей.

Разумеется, об этом лучше было промолчать. Практичная Аннушка мгновенно сообразила, что продать за большие деньги нечто, во что не вложены все те же деньги, невозможно, произвела в уме приблизительный подсчет затрат и сравнила их с тем, что было потрачено на нее. Сравнение получилось не в ее пользу и повлекло за собой организационные выводы: Лялькину швырнули в физиономию его последний подарок, дешевые пластмассовые бусы, и выставили за дверь, посоветовав в дальнейшем удовлетворять свои интимные потребно-

сти путем совокупления с «пантерами», «тиграми» и прочими обитателями компьютерного зоопарка.

Вот таким манером поэт Ярослав Морев, он же учитель русского языка и литературы Александр Лялькин, во втором часу ночи очутился на улице спящего районного центра Верхние Болотники. Вокруг стояла глубокая ночная тишина, нарушаемая только стуком его каблуков по испещренному трещинами и рытвинами асфальту мостовой да отдаленным лаем собаки, которой отчего-то не спалось в этот глухой послеполуночный час. Фонари опять не горели, но зависшая над городом почти полная луна давала достаточно света, чтобы не переломать себе ноги, сослепу шагнув в открытый канализационный люк. Асфальт и пыльная трава заросших сорняками газонов еще дышали остатками дневного тепла, но в чистом ночном воздухе уже явственно чувствовалось дыхание приближающихся холодов. Пробивающийся сквозь нависшие над тротуаром кроны берез лунный свет разрисовал корявый асфальт причудливым серебристо-черным узором. Узор этот был по-настоящему красив, но слишком удачно маскировал неровности, и, пару раз споткнувшись, Лялькин сошел с тротуара на пустую проезжую часть.

Здесь было намного светлее, а если поднять голову, можно было насладиться зрелищем усыпанного мириадами ярких, каких ни за что не увидеть жителям больших городов, загадочно мерцающих звезд. Споткнувшись в третий раз, Александр Иванович чертыхнулся и стал смотреть под ноги.

Буря отрицательных эмоций, поднятая истеричной руганью осатаневшей Аннушки, быстро улеглась. Лялькин не особенно дорожил этой связью, да и восстановить ее при желании ничего не стоило: Аннушка была отходчива и, что называется, слаба на передок. Прямо сейчас возвращаться к ней, конечно же, было неразумно, да и не очень-то хотелось. Без малого два часа назад началось воскресенье; впереди ждал абсолютно свободный день, и Александр Иванович знал, как проведет остаток ночи.

После романтической прогулки под луной и звездами уважающему себя поэту полагалось бы вооружиться пером и до зари строчить стихи. Но с калитки его дома еще не до конца стерлись следы сделанной мелом надписи, нанесенная неизвестным завистником обида все еще язвила ранимую душу поэта, а модернизированная по последнему слову истребительной техники «пантера» с полным боекомплектом скучала в виртуальном боксе, грезя о грохоте взрывов, лязге гусениц и заволакивающем горизонты черном дыме ожесточенных танковых боев. Неизвестно, как для кого, а для Александра Ивановича выбор был очевиден, и все его помыслы в два счета переключились с глупой крикливой вдовы на тактику предстоящей схватки.

С этого мгновения Лялькин двигался, что называется, на автопилоте, как вдребезги пьяный. Он не шатался, выписывая по мостовой замысловатые вензеля, но почти не воспринимал окружающую действительность, с головой погрузившись в свои милитаристские бронетанковые фантазии. Виртуальный мир – призрачный мир грез, созданный чьим-то трудом и воображением; поэт Морев, таким образом, не просто грезил наяву, а грезил о грезах, как озабоченный поисками очередной дозы наркоман грезит о героиновом кайфе. Ноги сами несли его знакомой дорогой мимо палисадников с качелями и двухэтажных домишек, построенных в начале пятидесятых годов прошлого века руками немецких военнопленных, в направлении центральной площади. В центре площади был разбит засаженный чахлыми липами небольшой сквер. По одну его сторону стояла на постаменте геройская «тридцатьчетверка» (выкрашенная, по бедности, в неуместно жизнерадостный ярко-зеленый, почти бирюзовый цвет), а по другую виднелось приземистое, с фальшивыми колоннами по всему фасаду, изрядно обветшалое строение, служившее вместилищем обеих ветвей городской и районной власти.

Ничего этого Александр Иванович сейчас не видел: перед его глазами, как на экране, одна за другой разворачивались картины жестоких танковых боев. В мутное от зноя полуденное небо неподвижными черными султанами поднимались дымы от подожженных точными попаданиями машин, в клубах поднятой гусеницами пыли сверкали вспышки выстрелов, вздыбливались косматые кусты разрывов, ревели мощные моторы, с лязгом барабанили по броне осколки, и с глухим похоронным звоном падали на стальной пол боевой машины дымящиеся снарядные гильзы.

За всем этим воображаемым шумом Лялькин далеко не сразу расслышал и еще позже осознал, что доносящиеся откуда-то звуки раздаются наяву, а не внутри его головы. Остановившись на углу, там, где улица, как река в квадратное озеро, впадала в площадь, он прислушался и удивленно задрал над оправой очков жидкие рыжеватые брови: в самом деле, откуда-то слышались до боли знакомые звуки – рев мотора, стальной рокот зубчатых передач, а также лязг и скрежет коверкающих асфальт гусеничных траков.

– Совсем с ума посходили, – вслух посетовал Александр Иванович, на ум которому первым делом пришел пьяный бульдозерист, решивший посреди ночи сгонять за добавочной дозой самогона и не придумавший ничего умнее, как использовать в качестве транспортного средства вверенный ему тяжелый гусеничный механизм.

Звуки приближались. Они доносились из темного устья боковой улицы, застроенной, как и большинство улиц в Верхних Болотниках, деревянными частными домишками. Лялькин шагнул вперед, вытягивая шею, чтобы поскорее рассмотреть недоумка, в этот поздний час отправившегося на поиски крупных неприятностей, и тут же попятился, холодея при виде того, что с обманчивой неторопливостью выползало на площадь.

По всему выходило, что Александр Иванович сильно поторопился с поставленным только что диагнозом: похоже, с ума сошел не какой-то незнакомый ему бульдозерист, а он сам. Потому что на площадь, поблескивая в лунном свете отполированными клыкастыми звеньями траков и стеля за собой сизый дым выхлопа, выезжал выходец из яркого, но нереального мира бронетанковых грез поэта Ярослава Морева – пятнистый бронированный призрак, появление которого здесь и сейчас было абсолютно невозможным.

* * *

Стояла глубокая ночь, когда судно, оставив по правому борту маяк на мысе Эль-Хадд, вошло в акваторию Аравийского моря и взяло курс на Аденский залив. Оно называлось «Стелла ди Маре» – «Морская Звезда», – но с виду мало соответствовало своему названию. Если построенный в середине прошлого столетия и многое повидавший на своем долгом веку сухогруз и напоминал морскую звезду, так разве что дохлую, выброшенную на берег свирепым зимним штормом и основательно измочаленную прибоем. Непроглядная тьма тропической ночи милосердно скрывала многочисленные вмятины и потеки ржавчины, испещрившие борта, но вид ярко освещенной прожекторами палубной надстройки наводил на грустные мысли о корабельном кладбище, где эту посудину уже давно заждались.

На море царил полный штиль. Внизу плескалась и журчала рассекаемая ржавым форштевнем вода, в вышине сияли неправдоподобно крупные, мохнатые звезды тропиков. Луна закатилась за горизонт, и вахтенный, следивший за экраном радара, получил приказ удвоить бдительность: несмотря на любые договоренности, в здешних опасных водах следовало держать ухо востро. Пираты – народ неуправляемый и трудно предсказуемый, и чье-то слово, для одних являющееся законом, для других – пустой звук, которого они, вполне возможно, просто не слышали, а если слышали, то пропустили мимо ушей. Впрочем, шустрых ребят на быстроходных моторных лодках, вздумай они захватить «Морскую Звезду», здесь поджидал сюрприз весьма неприятного свойства: помимо немногочисленного экипажа, на борту

сухогруза путешествовала дюжина крепких, прекрасно обученных, прошедших тщательный отбор и недурно вооруженных бойцов. Против патрулирующего беспокойную акваторию Аденского залива крейсера или даже пограничного катера дюжина стрелков с их автоматами, винтовками и пулеметами – ничто, но чернокожим ухарям на резиновых моторках такой орешек не по зубам, и по этому поводу грузоотправитель, равно как и грузополучатель, мог не беспокоиться.

Портом приписки «Стеллы» являлся итальянский Бриндизи, но даже сам черт сломал бы обе ноги, пытаясь через хитросплетения юридических уловок, подставных фирм и липовых таможенных деклараций добраться до настоящих владельцев судна, не говоря уже о происхождении груза, который оно несло на борту в данный момент. Если верить документам, хранившимся в сейфе у капитана, корабль был зафрахтован в Судане южнокорейской транспортной компанией; экипаж, состоявший из русских и украинцев, при желании можно было назвать интернациональным, как и охрану, также изъяснявшуюся на языке Тургенева и Пушкина. Правда, в присутствии моряков эти господа с каменными мышцами и почти полным отсутствием мимики открывали рты крайне редко, но, даже окажись они все до единого глухонемыми, любой русский с первого взгляда признал бы в них соотечественников – не по каким-то особенным отличительным признакам, а просто потому, что рыбак рыбака видит издалека.

Кроме охраны и команды, на судне плыл пассажир. Несмотря на официальный статус праздношатающегося балласта, этот человек пользовался на «Стелле» немалым авторитетом, и даже охранники, откровенно помыкавшие членами судовой команды, со всех ног бросались выполнять его распоряжения раньше, чем он успевал договорить до конца. Любому, кто его видел, сразу становилось понятно, что музыку здесь заказывает именно он, а тяжелая исцарапанная кобура, что оттягивала пояс его камуфляжных брюк, прозрачно намекала на то, что авторитет данной персоны зиждется не на одних только деньгах. Звали его Ираклием Пагавой; он был чистокровным грузином и москвичом в третьем поколении, хотя и о том, и о другом вспоминал лишь тогда, когда это было ему выгодно или просто удобно. Ираклию Шалвовичу было сорок восемь лет, и двадцать из них он посвятил бизнесу, который по праву считается одним из самых, если не самым прибыльным видом человеческой деятельности.

Здесь, на борту бороздящего сапфировые воды теплого моря сухогруза, Ираклий Пагава одевался без затей, в уже упомянутые выше камуфляжные брюки, линялую трикотажную майку, едва не лопавшуюся по швам на его могучем волосатом торсе, высокие армейские башмаки и пятнистое офицерское кепи, из-под козырька которого поблескивали темные стекла солнцезащитных очков. Под кепи скрывалась обширная загорелая лысина, под носом топорщились густые, жесткие, истинно кавказские усы, а всегда гладко выбритые щеки и подбородок, несмотря на густой загар, имели свойственный жгучим брюнетам синеватый оттенок. Зарастал Пагава быстро, бриться ему приходилось не реже двух раз в день, но он не жалел времени на это занятие, и небритым его не видел никто и никогда.

В этот рейс «Стелла ди Маре» отправилась из Владивостока. Плавание проходило при благоприятной погоде и в целом выдалось спокойным, если не считать постоянных проблем с давно выработавшей ресурс судовой машиной да пустякового происшествия, которое случилось, когда судно зашло в Мумбаи для мелкого ремонта. Помощник судового механика, отправленный на берег для приобретения каких-то там топливных трубок, ухитрился ввязаться в драку с местными бездельниками и приземлился на больничной койке со сломанной ключицей. Своего врача на «Стелле», разумеется, не было, а если бы и был, Ираклий Шалвович настоял бы на том, чтобы списать травмированного моториста на берег – просто от греха подальше, чтобы не поддаться искушению выкинуть болвана за борт с ожерельем из якорной цепи на шее.

Пагава требовал, чтобы судно вышло в море сразу же по окончании ремонта, независимо от того, удастся ли найти замену вышедшему из строя члену экипажа. Но капитан, до сего момента не смевший перечить ему ни словом, ни взглядом, на этот раз уперся не на шутку, и Ираклий Шалвович, поразмыслив, нехотя признал его правоту: с учетом состояния, в котором пребывала судовая машина, в одиночку стармеху с ней было не справиться. Деньги и угрозы в этой ситуации были одинаково бесполезными: при всем своем желании механик не мог ни обхаживать капризный агрегат двадцать четыре часа в сутки на протяжении всего рейса, ни дотащить «Стеллу» до места назначения на своем горбу.

По счастью, замена списанному на берег мотористу нашлась почти сразу, еще до того, как механик привел в чувство судовую машину. Русский моряк с нужной специальностью околачивался в порту Мумбаи уже третью неделю, дожидаясь какой-никакой работы или хотя бы оказии, с которой мог добраться до дома. Документы у него были в порядке, а один из портовых чиновников после того, как его материально заинтересовали, охотно подтвердил рассказанную морячком немудреную историю: действительно, чуть меньше трех недель назад в порт заходил российский лихтеровоз – сгрузил одно, загрузил другое и ушел, оставив на берегу загулявшего по пьяному делу матроса. Судя по тому, как горячо чиновник рекомендовал внести его в судовую роль «Стеллы», упирая на полное отсутствие других подходящих кандидатур, парень успел до смерти надоесть всему управлению порта своими настойчивыми просьбами пристроить его на какую-нибудь посудину.

По отзывам стармеха, которому новый член команды помог закончить ремонт, парень был хоть и не гений, но и не дурак, а главное, руки у него росли, откуда следует. Звали его Федором Молчановым, и он активно не нравился Ираклию Шалвовичу – не сам по себе, поскольку крестить с ним детей Пагава не собирался, а из-за обстоятельств, при которых очутился на борту «Морской Звезды».

Пагаве не нравилось, что этот Молчанов не прошел даже той поверхностной проверки, которой подверглись остальные члены экипажа, не нравилось, что он подвернулся под руку именно там и тогда, где и когда в нем возникла необходимость. Ираклий Шалвович понимал, что его подозрительность отдает паранойей. В конце концов, если все это было подстроено, кто-то один – либо стармех, либо его оставленный в Мумбаи со сломанной ключицей помощник – должен был состоять с Молчановым в сговоре, чтобы в нужный момент вывести судовой дизель из строя и вынудить капитана бросить якорь именно в этом порту. А если так, то проведенная при наборе команды проверка оказалась несостоятельной, и нет никакой разницы, проходил ее Молчанов или не проходил. А если проведенная Ираклием Пагавой проверка была пустой формальностью, то и ему самому грош цена – впору сворачивать бизнес и отправляться на пенсию, пока его не отправили туда в наручниках или даже вперед ногами.

Пустым местом Ираклий Шалвович себя не считал, а значит, никакого сговора не существовало, и поломка двигателя действительно была случайной. Что же до Молчанова, так вовремя подоспевшего на смену покалеченному мотористу, то не надо забывать: речь идет о моряках – первых в истории человечества людях, заслуживших право именоваться гражданами мира. Независимо от того, какой герб красуется на обложке его паспорта, моряк чувствует себя как дома, в любом порту земного шара, может бороздить моря и океаны под флагом любой страны и быть выброшенным судьбой на берег любого водоема, если только этот водоем соленый. Некоторые моряки десятилетиями не видят дома, переходя с корабля на корабль и мотаясь по всему свету, как перекати-поле. Все их имущество умещается в спортивной сумке или тощем рюкзаке, у каждого своя история, сплошь и рядом темная, наполовину криминальная, и то, что один из них вовремя оказался под рукой, не повод для беспокойства, а обыкновенное везение, в котором нет ничего странного или подозрительного.

Но именно потому, что Ираклий Пагава по праву не считал себя пустым местом, он относился к своим предчувствиям и подозрениям с должным вниманием. Даже самый мирный и законопослушный обыватель вряд ли доживет до преклонных лет, если станет игнорировать собственную интуицию. Очень многие и не доживают: садятся в самолеты, в которые им до смерти не хочется садиться, лезут в горы или просто на крыши, чтобы превозмочь страх высоты, прыгают с «тарзанки», копаются голыми руками в оголенных проводах или занимают деньги у людей, с которыми, как сами чувствуют, лучше не связываться, – словом, идут наперекор своим страхам, игнорируют предчувствия и погибают пачками, как мошкара в пламени лесного пожара.

Ираклий Шалвович Пагава не мог позволить себе такой опасной роскоши, как игнорирование предчувствий, и потому в эту ночь, как и во все предыдущие с момента выхода из Мумбаи, спалось ему из рук вон плохо. В целом все шло нормально, но интуиция упорно нашептывала, что что-то не так – то ли с новым мотористом, то ли со всем этим рейсом. Путешествие близилось к концу, но терзавшее Ираклия Шалвовича беспокойство не ослабевало, а напротив, росло, и, устав вертеться меж скомканных, влажных от пота простыней, Пагава оделся и вышел на палубу.

После застоявшейся духоты тесной каюты неподвижный ночной воздух показался прохладным и свежим. Над головой, частично затмеваемые светом прожекторов, таинственно мерцали крупные южные звезды, блики электрического света вспыхивали и гасли на рассекаемой носом корабля черной воде. За кормой шумела и пенилась, призрачно мерцая в темноте, кильватерная струя, по пустой палубе прохаживался с автоматом наперевес часовой в желто-коричневом пустынном камуфляже американского морского пехотинца; еще один, вооруженный ручным пулеметом, неподвижным силуэтом маячил на мостике рулевой рубки. Пагава скусил кончик кубинской сигары, сплюнул за борт и прикурил от бензиновой зажигалки. Облачко табачного дыма взлетело и растаяло в темноте за бортом; часовой замедлил размеренную поступь, вглядываясь в появившуюся у фальшборта темную человеческую фигуру, а затем, узнав начальство, зашагал в обратном направлении в сторону носа.

Попыхивая пахучим дымком, Пагава снова и снова анализировал свои ощущения. Чувство надвигающейся угрозы не проходило; оно возникло не вчера и не сегодня, но и не в начале рейса. По пути из Тихого океана в Бенгальский залив, в Полкском проливе, отделяющем Индию от Шри-Ланки, и на траверзе мыса Кумари, что на южной оконечности полуострова Индостан, он чувствовал себя как обычно – не расслабленным и благодушным, о нет, но спокойным и собранным, как хирург во время сложной операции. Да, вот именно, как хирург, не просто сделавший первый надрез, а зашедший уже достаточно далеко, чтобы понимать: теперь жизнь пациента зависит только от него да еще, пожалуй, от Господа Бога.

Беспокойство возникло, когда ему сообщили об очередной поломке двигателя, а с того момента, как на борт «Стеллы ди Маре» поднялся новый моторист, уже не оставляло Ираклия Шалвовича. Оно постоянно нарастало, как будто, двигаясь намеченным курсом, судно с каждым оборотом гребных винтов приближалось к некоему полюсу тревоги. И было непонятно, где он, этот полюс, в пространстве или во времени, что из себя представляет – американский патрульный корабль с чересчур бдительным командиром или день, час и минуту, когда свершится нечто давно кем-то запланированное и крайне нежелательное для Ираклия Пагавы.

Если речь шла о встрече с морским патрулем или пиратами, изменить что бы то ни было Ираклий Шалвович не мог – это зависело не от него, а от случая. А вот если опасность притаилась где-то здесь, на борту, устранить ее он не только мог, но и был обязан. У него уже далеко не впервые возникло искушение просто спуститься в кубрик, отыскать среди спящей матросни моториста Молчанова и свернуть ему, сонному, шею, а потом выбросить тело за

борт на корм акулам. Он привычно сдержался: стармех по-прежнему был без помощника, как без рук, да и Молчанов, вполне возможно, не таил в себе никакой угрозы.

Докурив сигару и выбросив окурок в море, Пагава спустился в трюм: он давно не проверял груз и ощущал настоятельную потребность совершить это действие – во многом ритуальное, лишенное практического смысла, как всякий ритуал, но такое же необходимое, как намаз для правоверного мусульманина.

Стоя на верхней ступеньке уходящего в темноту крутого металлического трапа, он вдруг почувствовал, как резко, скачком, усилилась снедавшая его тревога. Инстинктивно прижавшись лопатками к стальной переборке, нащупывая правой рукой клапан кобуры, он клацнул рубильником. Забранные проволочными решетками лампы тускло озарили огромное, как ангар для дирижабля, помещение, примерно до половины загруженное джутовыми мешками – если верить маркировке, с зерном пшеницы. Мировая общественность в лице Международного Красного Креста, как обычно, оказывала гуманитарную помощь традиционно голодающей Северной Африке; если бы решение по данному вопросу принимал Ираклий Пагава, восемьдесят процентов населения этого проблемного региона давно бы пошло на удобрения, а оставшиеся двадцать научились бы, наконец, не только плодить нищету и выпрашивать подачки, но и работать. Это создало бы для него лично определенные проблемы с клиентурой, но, когда речь заходила о глобальных проблемах, Ираклий Шалвович готов был слегка поступиться собственными интересами – с тем, разумеется, чтобы наверстать упущенное в каком-то другом месте и каким-либо иным способом.

Интенсивность чувства притаившейся где-то рядом опасности пошла на убыль, когда Пагава убедился в том, что в трюме, кроме него, никого нет.

– Э, генацвале, – обращаясь к себе, вполголоса протянул он, – ты что, темноты бояться начал? Как маленький, честное слово…

Он спустился вниз и, шагая прямо по тугим джутовым бокам, прошел в дальний угол трюма. В трюме стоял памятный с детства запах пыльной мешковины и сухого зерна, из-за дальней переборки доносился ровный гул судовой машины. Этот звук снова напомнил Ираклию Шалвовичу о новом мотористе, и, прежде чем отвалить в сторону помеченный оливково-зеленой заплатой мешок, он еще раз внимательно огляделся по сторонам.

В трюме по-прежнему никого не было. Сквозь наполняющий стальной корпус ровной вибрацией рокот мощного корабельного дизеля слышалось комариное пение готовящейся перегореть лампочки, потревоженная пыль беззвучно вилась вокруг проволочных защитных сеток, напоминая рой микроскопической мошкары. Оставив в покое явно ненужный пистолет, Ираклий Шалвович наклонился и, ухватившись половчее, отложил в сторонку пятидесятикилограммовый мешок. В мешках действительно было зерно – продукт, являющийся стратегическим для любой страны, а уж для разбойничьих республик, наподобие Сомали, и подавно.

За первым мешком последовал второй, за вторым третий. Сдвинув четвертый, Пагава увидел на дне образовавшегося углубления дощатый настил. Потянув за железное кольцо, он откинул деревянную крышку люка, нашарил ногой верхнюю ступеньку приставной лесенки и стал спускаться по ней в кромешную темноту. Когда его лицо поравнялось с настилом, Ираклий Шалвович слегка присел, на ощупь отыскал лампочку и довернул ее в патроне.

Под дощатым потолком вспыхнул свет. Лампочка была сильная, на двести ватт, но достигаемого с ее помощью освещения хватало лишь на то, чтобы с грехом пополам различать очертания предметов и не расшибить себе голову о выступающие металлические части. Стоя на лестнице, Пагава осмотрел устроенный в трюме и замаскированный мешками с зерном вместительный тайник – фактически, построенный из толстых тесаных брусьев и прочных досок огромный бокс, в котором двумя плотными рядами стоял настоящий груз «Стеллы ди Маре». Тусклые блики слишком слабого для такого обширного помещения света

неподвижно лежали на окрашенной в защитный цвет броне и длинных хоботах зачехленных орудий. Одетые в рельефную, поделенную на прямоугольники кору динамической защиты приплюснутые купола башен напоминали панцири гигантских черепах, отполированные прикосновениями земли траки гусениц поблескивали в сумраке, как потускневшие зеркала.

Это были обломки рухнувшей империи, щепки грозной стальной дубины, некогда державшей в страхе всю Европу – порядком устаревшее, но по-прежнему смертоносное оружие, в здешнем захолустье все еще способное сделать своего нового хозяина грозой околотка. Это был мощный козырь в бесконечной партизанской войне за контроль над горсткой разбросанных в горячих песках оазисов или клочком выжженной солнцем саванны, бронированный кулак будущего вторжения, непобедимый до тех пор, пока кто-нибудь – да хоть бы и тот же Ираклий Шалвович Пагава, например, – не подкинет противной стороне пяток оснащенных ракетами класса «воздух – земля» боевых вертолетов. За этим дело не станет; равновесие, таким образом, будет восстановлено, а что до крови, которая прольется, так ведь она же африканская – а эти африканцы как передохнут, так и расплодятся. А не расплодятся, так и не надо, их и так чересчур много… И потом, если не Ираклий Пагава, то кто-нибудь другой займется такого рода грузоперевозками, а если никто ими не займется, если перекроются все лазейки и щели, через которые в Африку непрерывным потоком поступает оружие, эти макаки возьмутся за ножи и дубины и все равно не успокоятся, пока не повышибают друг другу мозги…

Списанные Т-62 стояли двумя идеально ровными, теряющимися в темноте фальшивого трюма рядами. Их было двадцать; ближние были видны во всех деталях, дальние выступали из мрака смутными приземистыми силуэтами, по мере удаления сливавшимися в темный стальной монолит. Точно такие же, а возможно, что и эти самые машины когда-то с лязгом и скрежетом уродовали старинную брусчатку пражских мостовых; теперь им предстояло побегать по раскаленному песочку и пободаться с финиковыми пальмами. Пагава подозревал, что эксплуатироваться машины будут нещадно и надолго их не хватит, но это было ему только на руку: процесс модернизации российской армии набирал обороты, своей очереди пойти на утилизацию дожидались еще двадцать тысяч танков, и проблем с новыми поставками, таким образом, не предвиделось никаких.

Убедившись в том, что ценный груз никуда не делся, Ираклий Шалвович вывернул лампочку, выбрался из тайника, опустил крышку люка и аккуратно уложил на место мешки с пшеницей. На душе стало чуточку спокойнее, и, выключая в трюме свет, он вдруг почувствовал, что готов уснуть прямо на ходу. На часах было без четверти два, причины противиться этому законному, а главное, вполне разумному желанию отсутствовали напрочь, и, передумав курить, Ираклий Пагава заспешил в свою каюту.

Глава 2

На углу, образованном центральной площадью и улицей, из которой, лязгая гусеницами, выползало железное привидение, стояло здание районной библиотеки. Двухэтажный деревянный особнячок затейливой архитектуры, с островерхой, причудливо изломанной крышей и двумя уникальной формы мезонинами некогда принадлежал купцу первой гильдии Голоногову – по воспоминаниям современников, покровителю искусств, меценату, кутиле и большому самодуру. Чудом пережившее две революции, столько же войн и почти три четверти века власти рабочих и крестьян деревянное здание объявили памятником архитектуры еще при Леониде Ильиче; разумеется, ажурная резьба и прочие деревянные финтифлюшки давно сгнили и рассыпались трухой, но сам особняк уцелел, а в последние годы отцы города все чаще – в основном, в ходе предвыборных кампаний – заговаривали о том, чтобы, основываясь на сделанных в конце позапрошлого века фотографиях, вернуть ему первоначальный облик.

Помимо времени, шашеля, войн, пожаров и прочих стихийных бедствий, от ураганов и наводнений до пил и стамесок современных провинциальных реставраторов, старинному особнячку с некоторых пор перманентно грозила еще одна напасть. Напастью этой были водители механических транспортных средств, которые здесь, в Верхних Болотниках, крайне редко садились за руль (а также ложились в постель, приходили на работу, зачинали детей и т. д., и т. п.) в трезвом виде. Первый зафиксированный историей наезд самодвижущегося колесного механизма на угол особняка купца первой гильдии Голоногова был совершен автомобилем председателя местной губЧК Свинцова в октябре одна тысяча девятьсот двадцать первого года, когда поименованный председатель катал по городу свою любовницу, имени которой история, увы, не сохранила. Вторично, уже куда более серьезно, будущий памятник архитектуры пострадал в двадцать третьем, когда во время первомайской демонстрации не вписавшийся в поворот адепт коллективизации въехал в многострадальный угол на первом в уезде тракторе марки «фордзон-путиловец». С тех пор пошло и поехало; в злосчастный угол врезались на полуторках, «эмках», «виллисах», «студебеккерах», ЗиСах, ЗиМах, «победах» и «волгах»; «москвичи» и «жигули» также не проехали стороной, и особнячок с круглыми венецианскими окнами в мезонинах устоял, надо думать, лишь благодаря умению и добросовестности плотников, чьи кости давным-давно истлели на местном кладбище.

Приобретение зданием районной библиотеки статуса охраняемого государством памятника архитектуры мало что изменило: пьяные водители по-прежнему, без проблем преодолев низенький бордюр, с треском и грохотом влетали в едва отремонтированный угол. Другим углам в городе тоже доставалось, но этот был, словно заколдованный или, скажем, намагниченный, поскольку притягивал оснащенное колесами железо так же неумолимо, как магнитный полюс Земли притягивает стрелку компаса. При этом он (угол, разумеется, а не полюс) был отлично виден из окон расположенного наискосок через площадь здания местной администрации. И, потеряв, наконец, терпение, отцы города приняли меры по охране памятника архитектуры: послали на перекресток двух работяг с лопатами, ломом и носилками бетона. С подъехавшего грузовика сбросили пустой баллон из-под сжатого воздуха, работяги выкопали на углу яму, торчком воткнули туда баллон и заполнили свободное пространство между ним и краями ямы бетоном. Поскольку работяги отличались от здешних водителей только тем, что им не надо было садиться за руль, баллон стоял с воинственным креном в сторону проезжей части, как бы говоря: ну, давай, попробуй! Вопреки ожиданиям всего города, желающих попробовать отчего-то не нашлось; аварии на пересечении улицы Пролетарской с площадью прекратились, как по волшебству, и кое-кто почти всерьез утвер-

ждал, что до этого они совершались нарочно, чтобы посмотреть, устоит библиотека после очередного столкновения или все-таки завалится.

Библиотека устояла, и вкопанный в далеком семьдесят пятом баллон тоже до сих пор торчал на углу в полуметре от ушедшего в землю бордюра, упорно сохраняя первоначальный наклон в сторону проезжей части. С учетом скорости, с которой в городе Верхние Болотники происходили перемены, можно было ожидать, что он переживет египетские пирамиды, не говоря уже о здании библиотеки.

Но не тут-то было.

На противоположной от библиотеки стороне улицы, буквально в нескольких метрах от перекрестка кто-то припарковал грузовой «мерседес» с тентованным кузовом. На узкой улице с грехом пополам могли разминуться два грузовика, но не грузовик и то, что, лязгая траками, надвигалось на оцепеневшего от горя и ужаса поэта Ярослава Морева.

Учителю Лялькину было от чего впасть в отчаяние. Нынче вечером они с Аннушкой усидели на двоих бутылку красного полусладкого. Произошло это почти четыре часа назад – то есть по местным меркам он был трезв, как стеклышко. И если, будучи трезвым, он видел то, что видел, сомневаться в диагнозе не приходилось: налицо была полновесная шизофрения, если не какой-нибудь, не к ночи будь помянут, маниакально-депрессивный психоз.

Различимый в ярком лунном свете до мельчайших деталей призрак далекого и отнюдь не счастливого прошлого принял правее, чтобы избежать столкновения с припаркованным на левой обочине грузовиком. Его правая гусеница, кроша помнящий первого президента независимой России бордюр, забралась на тротуар и пошла с тупым механическим упорством перемалывать асфальт в опасной близости от стены библиотеки. Лялькин отчетливо расслышал глухой металлический лязг, когда блестящие траки соприкоснулись со стальным боком вкопанного в землю баллона. Сорок тонн высококачественной крупповской стали играючи, как вареную макаронину, переломили и расплющили рассчитанный на высокое давление баллон; послышался душераздирающий скрежет растираемого по бугристому асфальту металла, и выплюнутый вращающейся гусеницей железный блин с чугунным звоном запрыгал по проезжей части.

Доказав таким образом свою материальность и лишь каким-то чудом не задев вновь ставший беззащитным угол библиотеки, бронированный призрак продолжил движение – не направо, как предписывал установленный на перекрестке дорожный знак, и не налево, куда поворачивать было запрещено, а строго по прямой. Ограждавшую сквер легкую железную решетку он смял, как пылкий любовник сминает в кулаке кружево на подоле дамской комбинации; в мокром треске ломающейся древесины и громком шорохе ветвей одна за другой упали четыре липы, гусеницы заскрежетали по дорожке, вдавливая в землю, поднимая на дыбы и выворачивая вон цветные цементные брусья мостовой. Увязая в рыхлом черноземе, танк вполз на расположенную точно по центру площади клумбу с анютиными глазками, посреди которой некогда высился памятник вождю мирового пролетариата, и остановился, рокоча работающим на холостых оборотах двигателем, осыпаемый шелестящим дождем сбитой с поваленных деревьев листвы. В лунном свете зеленые листья казались черными, а те, что успели пожелтеть, напоминали яркие серебряные монетки. Они скользили по размалеванной камуфляжными разводами и пятнами броне и пугливо порхали в струях горячего воздуха над бронированными жалюзи моторного отсека.

Не придумав ничего лучшего, Александр Иванович старательно, изо всех сил ущипнул себя за тощий зад. И даже взвизгнул от боли, но это ни капельки не помогло: танк никуда не делся. И добро бы перед глазами маячил просто танк, какой-нибудь Т-72, Т-66 или любой другой из многочисленных послевоенных «Т»! Но нет, дудки; это был Т-VI, овеянный грозными легендами «тигр» во всей своей красе – угловатый, приземистый, пятнистый, свирепо

скалящий стальные клыки буксирных крючьев, хрипло рычащий, заволакивающий сквер сизым дымом выхлопа.

Разумеется, если помешавшемуся на почве компьютерной игры «Танки» провинциальному педагогу и латентному педофилу Лялькину должно было явиться бредовое видение, то оно могло быть только таким. Странно было только, что это «тигр», а не его любимая «пантера», да и баллон…

Двигатель «тигра» зарычал громче, извергая из выхлопных труб клубы сизого дыма, послышался хорошо знакомый Александру Ивановичу лязгающий рокот шестерен, и приплюснутая угловатая башня начала плавно поворачиваться налево. Лялькин разглядел на пятнистой броне бортовой номер 107 и криптограмму, свидетельствовавшую, если его не подводили глаза и память, о принадлежности машины к дивизии СС «Тоттенкопф» – «Мертвая голова».

Глаза и память, подумал он, едва сдержав истерический смешок. Какая память, чудак! Ты закончишь свои дни в психушке, а тамошним пациентам память ни к чему. Или ты сейчас проснешься, или курс медикаментозного лечения, после которого человек превращается в овощ, тебе гарантирован. Ну, давай же, просыпайся, кретин!

Башня «тигра» продолжала медленно, как в страшном сне, поворачиваться налево. Неожиданно сообразив, что сейчас будет, Лялькин мгновенно позабыл и о психушке, и об Аннушке, и вообще обо всем на свете, кроме разворачивающегося у него на глазах, жуткого в своей невероятности зрелища. Черт с ней, с психушкой; если это бредовый глюк, он стоит того, чтобы его досмотрели до конца.

«Тигр» стоял на клумбе посреди центральной (и единственной) аллеи сквера. Справа от него, как взятая в полукруглую раму из липовых крон картина, виднелось подсвеченное яркими галогенными фонарями здание администрации с безжизненно свисающим с укрепленного над фронтоном флагштока трехцветным полотнищем. Слева, в точно такой же раме, грозила ночному небу воинственно задранным кверху дулом стоящая на облицованном гранитом постаменте, выкрашенная в оскорбительный бирюзовый цвет «тридцатьчетверка». Башня T-VI остановилась, развернувшись под прямым углом к корпусу, увенчанный тяжелым набалдашником дульного тормоза длинный ствол шевельнулся, нащупывая цель, и замер.

«Глюк» по-немецки – «счастье», успел подумать Лялькин за мгновение до того, как «тигр» выстрелил. Его орудие с оглушительным грохотом выбросило длинный сноп рыжего пламени, сорокатонная махина подпрыгнула на месте, окутавшись клубами дыма и пыли. Два громовых раската почти слились в один, в конце аллеи вспухло дымное облако, из которого, рассыпаясь искрами, во все стороны разлетались раскаленные обломки, и оглушенный, окончательно утративший связь с реальностью поэт Ярослав Морев увидел, как сорванная прямым попаданием башня «тридцатьчетверки» в вихре стеклянных брызг, сшибая глупо улыбающиеся, убого одетые манекены, влетает в витрину универмага. Сбитый с полуразрушенного взрывом постамента обезглавленный танк с тяжелым гулом, скрежетом и лязгом боком рухнул на мостовую, немного покачался из стороны в сторону и устало опрокинулся, задрав к равнодушному небу гусеницы, которые сверху были выкрашены черной масляной краской, а снизу, куда не достала кисть маляра, оказались основательно заржавевшими.

Где-то с дребезгом посыпалось оконное стекло, со всех сторон истерично завыли, заулюлюкали и закрякали автомобильные сигнализации, и какая-то разбуженная этим грохотом и звоном баба дурным спросонья голосом завопила на весь город: «Ай, люди! Конец света!!!»

До оглушенного выстрелом танкового орудия Александра Ивановича все эти звуки доносились как сквозь толстое ватное одеяло. Тем не менее, он безошибочно вычленил из пришедшей на смену ночной тишине какофонии возобновившийся лязгающий рокот шесте-

рен, и в следующий миг глаза подтвердили то, о чем предупреждал временно поврежденный слух: башня «тигра» снова начала поворачиваться, описывая полукруг в обратном направлении.

Вот это уже было интересно, и не просто интересно, а где-то даже правильно. Трясущейся рукой нашарив в кармане пиджака мятую пачку, Лялькин кое-как выковырял оттуда сигарету, прикурил с четвертой или пятой попытки и стал смотреть дальше.

Пока он возился с куревом, дуло ископаемого танка описало дугу в сто восемьдесят градусов и снова замерло, нацелившись на выстроенное в убогом псевдоклассическом стиле здание, внутри которого в тесноте, да не в обиде трудились на благо общества администраторы и законодатели города Верхние Болотники и подведомственного ему района размером с пару Бельгии и три-четыре Люксембурга.

Из подъезда, прикрывая скрещенными руками лысую макушку и потешно пригибаясь, выбежал коротышка в синем кителе вневедомственной охраны – ночной дежурный. Споткнулся, едва не навернувшись со ступенек, кое-как удержал равновесие, наддал и в мгновение ока скрылся в темноте за углом. Наученный горьким опытом пиит зажал ладонями уши, широко разинул рот и даже немножечко присел в ожидании очередного удара по барабанным перепонкам. «Тигр» не подкачал, не обманул его ожиданий и исправно ахнул, выплюнув из длинного ствола новый сноп злого рыжего пламени. Фасад управы превратился в стремительно распухающее облако перемешанной с дымом, яростно клубящейся пыли, из недр которого, бешено вращаясь, летели во все стороны дымящиеся кирпичи, горящие доски, балки, куски оконных рам и ошметки сорванной, разнесенной вдребезги крыши. В черном ночном небе белыми птицами порхали разлетевшиеся листы документации. Некоторые горели на лету; яркие галогенные прожекторы погасли, и сквозь белесую дымную муть лениво и мрачно посверкивали языки набирающего силу огня.

Фрицы выбросили танковый десант, подумал Лялькин с чувством, близким к полновесной истерике. Всем, кто может держать оружие, занять оборону, дезертиров и трусов приказываю расстреливать на месте… Слышишь, ты, лысый, тебя это в первую очередь касается!

И еще он подумал: странно. Странно, что при своем ура-патриотическом воспитании, благодаря которому против собственной воли, на подсознательном, прямо-таки генетическом уровне при виде вполне себе мирного, благорасположенного к нам немца не можем не припомнить ему дела давно минувших дней, мы, играя в какие-нибудь «Танки», выбираем для себя, холим и лелеем не «тридцатьчетверку», КБ или ИС, а «тигр», «пантеру» или, в самом крайнем случае, эту квадратную жестяную банку из-под лендлизовской тушенки, американский «шерман». Даже пенсионер из соседней деревни (да не какой попало пенсионер, а военный, подполковник в отставке) – как бишь его, Ерошкин, что ли, – вздумав построить действующую модель танка, почему-то взял за образец не Т-34-85, а все тот же «тигр». С чего бы это, а? Неужели патриотизм сродни конфетам – чуть только переел, как сразу тянет блевать?

«Тигр» попятился, роняя на развороченную тротуарную плитку комья чернозема с разоренной клумбы, со скрежетом и лязгом развернулся на одной гусенице и, треща поваленными липами, двинулся в обратный путь – на базу, а может быть, в далекий сорок второй, год своего триумфального дебюта, когда в бою у станции Мга четыре Т-VI играючи сожгли двенадцать «тридцатьчетверок» и невредимыми вернулись домой.

«Оторвался по полной, – подумал Лялькин, ожесточенно жуя фильтр сигареты, у которой отродясь не было фильтра. – Взял реванш. Сколько там прошло с сорок пятого – шестьдесят семь? Ну да, точно, так и есть – шестьдесят семь с малюсеньким хвостиком. Долгонько пришлось ждать, но он таки дождался – выехал, выступил с сольным номером и целехонь-

ким отвалил восвояси. И где, интересно знать, была в это время наша непобедимая армия? Да хрен с ней, с армией; где хотя бы наши доблестные менты?»

Доблестные менты дали о себе знать далеким воплем сирены, который почему-то сразу же оборвался. Продолжения не последовало, и Лялькин моментально о них забыл. «Тигр» уходил, его пятнистая прямоугольная корма скрывалась в тени районной библиотеки, траки гусениц сверкали под луной, как чешуя парочки бесконечно ловящих себя за хвост стальных змей. На обратном пути бронированный призрак не стал рисковать библиотекой, грубо сдвинув с дороги грузовик, который в скрежете, лязге и треске опрокинулся набок, повалив дощатый забор. Как ни странно, логика, которой руководствовался в своих действиях набранный из погибших на Курской дуге или под Сталинградом офицеров дивизии «Мертвая голова» экипаж, была целиком и полностью понятна учителю русского языка и литературы Лялькину. Баллон на углу – это случайность; «тридцатьчетверка» – это чтобы напомнить, заявить о себе; здание управы – это, извините, целиком и полностью по делу; грузовик – просто припаркованная с нарушением правил машина, груда тронутого ржавчиной железа, пусть себе и немецкого, а вот библиотека тут абсолютно ни при чем. Немцы – культурная нация, так с чего бы им, пускай сто раз мертвым, библиотеки-то ломать?

«Тигр» ушел окончательно, рев мотора и лязгающий скрежет гусениц смолкли где-то на северной окраине переполошенного, ничего не понимающего спросонья городка. Перевернутая, обезглавленная «тридцатьчетверка» слабо дымилась, на руинах управы набирал силу пожар, и подсвеченный снизу оранжевым пламенем, а сверху голубоватым лунным серебром дым весело валил в безоблачное звездное небо. В ушах до сих пор звенело после пальбы и грохота взрывов, во рту стояла вяжущая хинная горечь, и Александр Иванович далеко не сразу понял, что наелся табака – вернее, той насквозь пропитанной химией, сомнительного происхождения травы, которую в наших краях выдают за табак.

Проплевавшись тягучей коричневой слюной и отшвырнув от себя окурок – или, если угодно, огрызок – сигареты, учитель Морев, он же поэт Лялькин, с силой провел по губам тыльной стороной запястья и только тогда обнаружил, что держит в руке мобильный телефон. Аппарат был настроен на режим фотокамеры. Лялькину смутно вспоминалась потерявшаяся на фоне устроенного ископаемым танком файр-шоу голубоватая вспышка блица, и теперь становилось ясно, что это ему не померещилось: на дисплее красовалась четкая, хоть ты на выставку ее отправляй, фотография атакующего «тигра» с бортовым номером 107 и нанесенной на пятнистую серо-зеленую броню башни криптограммой, свидетельствующей о принадлежности к танковой дивизии СС «Тоттенкопф» – «Мертвая голова».

– Утро вечера мудренее, – вслух объявил Александр Иванович, спрятал телефон в карман пиджака, закурил новую сигарету и нетвердой походкой зашагал с разоренной, курящейся едкими дымами площади в направлении своего дома, с калитки которого еще не до конца стерлись следы оскорбительной надписи в стихах про котлету, сельдерей, совокупление и конфету, которой оное якобы было оплачено.

В данном случае старая, навязшая на зубах поговорка содержала в себе простой и ясный практический смысл: свое дальнейшее поведение Александр Иванович намеревался строить на основе того, что увидит поутру на дисплее своего мобильного телефона. Если фотография «тигра», а заодно и руины центральной площади, к утру не развеются, как сон, это одно. А если окажется, что фотографии нет, а управа и «тридцатьчетверка», наоборот, остались каждая на своем месте и в своем первозданном виде, – это, товарищи, совсем другое дело, которое, действительно, попахивает психиатрической лечебницей.

Одно Лялькин знал наверняка: отныне и присно, и во веки веков он ни за какие коврижки не станет играть в «Танки». А если все-таки зайдет на сайт некогда столь горячо любимой игры, так разве что затем, чтобы продать за две с половиной, а может быть, уже и за три тысячи условных единиц свое любовно взлелеянное, но внезапно опостылевшее

детище – мощную, скоростную, маневренную «пантеру» с шахматным расположением катков, полным боекомплектом и усиленной броней.

* * *

Когда Пагава погасил свет и вышел, с гулким железным лязгом закрыв люк, освещенный лишь немногочисленными дежурными лампами грузовой трюм «Стеллы ди Маре» погрузился в сумрак и тишину, нарушаемую только ровным гулом судового дизеля за переборкой машинного отделения. Спустя долгую минуту в тишине послышался вороватый шорох. Один из лежащих близ правого борта мешков с зерном зашевелился, как живой, и отвалился в сторону. Из-под него, сдавленно, чтобы не шуметь, чихая в кулак и протирая запорошенные пылью глаза, выбрался человек в испещренных темными пятнами машинного масла брезентовых штанах, грубых рабочих ботинках и футболке – некогда красной, а теперь выгоревшей на солнце, полинявшей от морской воды и тоже основательно пропитанной моторным маслом и графитовой смазкой. Нахлобучив на коротко остриженную темноволосую голову промасленный берет с хвостиком на макушке, предмет тревожных раздумий Ираклия Шалвовича быстро огляделся по сторонам и без дальнейшего промедления уверенно направился в тот самый угол, где давеча копошился Пагава.

Моторист Молчанов, как и подозревал опытный торговец оружием, был вовсе не тем, за кого себя выдавал, и его появление на борту «Морской Звезды» не имело ничего общего со случайным стечением обстоятельств. Настоящими во всей этой истории были, пожалуй, только индусы, что так ловко отполировали мослы предшественнику Молчанова на почетном посту помощника механика, да еще американские доллары, которыми с ними расплатился младший атташе по культуре российского консульства, по совместительству – майор службы внешней разведки.

Это была самая рискованная часть операции. Глебу Сиверову как-то слабо верилось в то, что индусы, получив задаток, не удовольствуются малым и не рванут с деньгами за горизонт, и он сильно сомневался в том, что, даже попытавшись честно выполнить порученную работу, эти ребята сумеют вчетвером так отделать русского моряка, чтобы тот не сумел вернуться на корабль. Но индусы справились, лишний раз убедив Слепого в том, что все традиционные, устоявшиеся мнения одного народа о другом суть не что иное, как основательно сдобренные хвастовством предрассудки. Англичане чопорны, немцы грубы и неотесанны, Бельгия населена дураками, Эстония – тормозами, а Россия – пьяными свиньями, которые медленно запрягают, быстро ездят и никогда не сдаются. Короче, все бабы – дуры и шлюхи, а все мужики, даже евнухи и импотенты – сексуально озабоченные козлы…

Индийский порт Мумбаи с ловкими ребятами, которые с честью отстояли свое национальное достоинство, сделавшись при этом чуточку богаче, остался далеко позади. Находясь на борту, Глеб старался честно и добросовестно выполнять свои должностные обязанности. Работа судового моториста – не сахар, особенно на таком корыте, как «Стелла». Ковыряясь в горячем замасленном железе, Сиверов порядком вымотался, слегка осатанел и давно отряхнул бы прах «Морской Звезды» со своих ног, если бы не одно маленькое «но»: ему до сих пор не удалось установить, точно ли «Стелла ди Маре» везет в Африку то, что, по агентурным данным, должна везти. Внешние признаки – например, наличие вооруженной охраны, присутствие на борту такой одиозной личности, как Пагава и даже тяжелая поцарапанная кобура, с которой тот не расставался, казалось, даже во сне, – косвенно указывали на то, что никакой ошибки нет. Но Глебу были нужны прямые доказательства, а добыть их пока никак не получалось, поскольку он не мог часами перекладывать с места на место тяжелые мешки в охраняемом вооруженным часовым трюме.

Да и с отрясанием праха не все обстояло так просто, как хотелось бы. Сама по себе операция представлялась несложной, особенно для человека с такой квалификацией, которую волей-неволей с годами приобрел Глеб Сиверов. Сложнее было заставить себя примириться с возможными, а пожалуй, что и неизбежными жертвами. За свою карьеру специального агента ФСБ Глеб неоднократно внедрялся в различные криминальные сообщества, от отрядов террористов до обыкновенных шаек грабителей и мошенников, и всякий раз ему оказывалось трудно воспринимать окружающих в черно-белой гамме: этот свой, этот чужой – к ногтю его, и никаких гвоздей! Чаще всего он именно так и поступал, поскольку в этом существовала необходимость, но от привычки видеть в этих людях именно людей, а не просто помеху на пути к цели, все никак не мог избавиться. Объективно все, кто плыл – вернее, шел, поскольку моряки по морю именно ходят, а плавает, по их мнению, только то, что не тонет, – на этом корабле, являлись его смертельными врагами, и любого из них, кто вздумал бы стать на его пути, агент ФСБ по кличке Слепой был готов устранить без малейшего колебания. Но на этот раз его окружали даже не бандиты, а самые обыкновенные люди – моряки, что зарабатывали свой нелегкий хлеб ценой неимоверных усилий, риска и долгой разлуки с семьями. Даже вооруженные охранники, которые как раз таки здорово смахивали на бандитов высшей пробы, в быту, на отдыхе оказались вполне себе симпатичными ребятами, почти сплошь бывшими бойцами элитных подразделений. Они не были виноватыми в том, что судьба поставила их с Глебом Сиверовым по разные стороны баррикад; они просто, как умели, зарабатывали на жизнь. Они вовсе не торговали оружием; одни его охраняли, другие везли, вряд ли даже представляя, что именно находится в трюме под слоем мешков с зерном. И их надо было остановить любой ценой; в этом-то и заключалась проблема, потому что Глеб, несмотря на свою профессию, никак не мог привыкнуть к тому, что железо сплошь и рядом оказывается дороже человеческой жизни.

Настоящих врагов на этом корабле у Глеба насчитывалось всего двое. Врагом номер один был Пагава, который как раз таки торговал оружием, причем давно и весьма успешно, и, судя по тому, как поглядывал на Глеба, в чем-то сильно его подозревал. Ловя на себе эти взгляды, Сиверов понимал, что от решительных действий глубокоуважаемого Ираклия Шалвовича удерживает только статус моториста Молчанова как незаменимого специалиста, лишившись которого, «Стелла» рискует никогда не добраться до пункта назначения или прибыть туда с огромным опозданием. Вот его Слепой шлепнул бы с превеликим удовольствием, но в данный момент груз был важнее, чем сопровождающий, который, к слову, во благовремении мог пригодиться еще и как свидетель – один из очень и очень немногих, кому известно, откуда он взялся, этот груз.

Это тоже было довольно неприятно. Знать, что, выбирая, кому бросить спасательный круг, в интересах дела ты убережешь от смерти того, единственного из всей команды, кто ее по-настоящему заслуживает, – не лучшее средство сохранить душевный покой.

Вторым убежденным, сознательным врагом Сиверова на судне был его непосредственный начальник, стармех Петр Николаевич Данилов, или, как звали его члены экипажа, дядя Петя – уже немолодой, рассудительный и добродушный мужик с прокуренными седыми усами и воистину золотыми руками, благодаря которым «Стелла» сохраняла способность двигаться в заданном направлении, а не просто дрейфовать по воле ветра и волн. Глеб испытывал к дяде Пете симпатию, которая, увы, не была взаимной. Стармех был единственным человеком на корабле, который хотя бы в общих чертах представлял себе, кто такой на самом деле его подобранный в Мумбаи помощник, и смотрел на него волком, хотя, как это чаще всего случается, в неприятностях своих от начала до конца был виноват сам.

С полгода назад стармех Данилов, ходивший в ту пору на другом корабле, под другим флагом и в составе другого экипажа, попал в поле зрения спецслужб. Как именно это произошло, Сиверов не знал; вероятнее всего, речь шла о неприятностях с таможней, возник-

ших при попытке протащить откуда-то куда-то нечто, чего не следовало брать в руки. Очевидно, неприятности на долю дяди Пети выпали крупные, и вероятность лишиться паспорта моряка, а вместе с ним и свободы, была настолько велика, что Петр Николаевич позволил себя завербовать. С этого мгновения он стал послушным инструментом в руках людей, которым не было никакого дела до его судьбы. Это его, естественно, не радовало, и моториста Молчанова, который в его представлении был одним из этих людей, дядя Петя, мягко говоря, недолюбливал.

Страшно было подумать, что случится, если стармех вдруг решит разоткровенничаться с Пагавой. С точки зрения логики и здравого смысла это было невозможно: тот, кто, струсив, пошел на вербовку с целью сохранения за собой такой ерундовой привилегии, как паспорт моряка, вряд ли станет рисковать жизнью, описывая такому человеку, как Пагава, свою роль в поломке судовой машины и проникновении на борт агента ФСБ. Но Глеб успел неплохо изучить людей и знал, что выдерживать страх и нервное напряжение в течение долгого времени способны далеко не все. У каждого свой предел возможностей, и, когда неделями зревший внутри нарыв лопается, человек зачастую начинает откалывать дикие, ни с чем не сообразные, самоубийственные коленца, не имеющие ничего общего ни со здравым смыслом, ни с логикой.

Кроме того, шагающий извилистой и сумрачной тропой мрачных подозрений Пагава мог просто-напросто припереть дядю Петю к стенке и расколоть в два счета, заставив выложить все как на духу. После этого стармех опять останется один на один с барахлящей судовой машиной, а когда судно станет под разгрузку в порту назначения, последует за своим помощником – за борт, на корм рыбам, креветкам и прочим ракообразным.

Словом, со всем этим надо было кончать, и чем скорее, тем лучше. Момент был вполне подходящий – весь вечер судно шло вдоль береговой линии, которая тонкой полоской синеватого тумана маячила на горизонте по правому борту. Несведущий в искусстве кораблевождения и особенностях местного фарватера Глеб решил, что капитан жмется именно к этому берегу из осторожности, инстинктивно стараясь держаться подальше от разбойничьей Сомали и поближе к относительно спокойному, цивилизованному Йемену. Так это или нет, Сиверов не знал, но это было ему на руку: он не испытывал ни малейшего желания в придачу к торговцам оружием возиться еще и с чернокожими пиратами.

Очутившись в углу трюма, где горделивый и надменный, чурающийся, как все кавказцы, черной работы и достаточно обеспеченный, чтобы позволить себе никогда не марать рук, Пагава лично ворочал тяжелые пыльные мешки, Глеб осмотрелся. Мешки с зашитыми фабричным способом горловинами были уложены плотно, один к одному, и выглядели абсолютно одинаково. Где-то под ними скрывался люк, ведущий в потайной трюм, но как узнать, где именно начинать раскопки, если все они на одно лицо?

А впрочем, нет, не все. Один мешок отличался от своих собратьев нашитой на коричневато-серый джутовый бок прямоугольной заплатой защитного цвета. Залатанный мешок – обычное дело, если им пользуются в домашнем хозяйстве или какой-нибудь влачащей нищенское существование жилищно-коммунальной конторе. Но там, где речь идет о крупных оптовых поставках зерна, заплата на мешке выглядит так же неуместно, как и завязанная пояском от старого байкового халата горловина. Большой транснациональной корпорации проще предъявить судебный иск производителю некачественной тары и купить у другого поставщика вагон новых мешков, чем содержать сотрудника, который будет выявлять и латать дырки.

«Где были мои глаза? – беря мешок за углы и откладывая его в сторону, с досадой подумал Глеб. – Вот уж, действительно, Слепой!»

Он работал торопливо, опасаясь, что в трюм заглянет еще кто-нибудь и он уже не успеет спрятаться, прикинувшись частью мертвого груза, как сделал это, когда сюда неожи-

данно заявился Ираклий Шалвович. Тогда ситуация обострилась бы до предела. В Мумбаи Глеб не стал рисковать, пытаясь пронести на борт оружие; поручить это стармеху дяде Пете почему-то никто не потрудился (а может, и потрудился, только стармех ничего об этом не сказал), и противопоставить автомату, особенно на таком расстоянии, которое отделяло его от верхней площадки трапа, Сиверов не мог ничего.

Теперь, когда Глеб знал, где искать, обнаружить крышку люка не составило для него труда. Она напоминала крышку устроенного в деревенском доме погреба; так же, как в погребе, к ней было прикреплено кованое железное кольцо, и точно так же, как там, вниз вела почти отвесная, наспех сколоченная деревянная лесенка. Спускаясь по ней, Глеб нащупывал в кармане миниатюрный светодиодный фонарик. Однако, заметив справа характерный стеклянный блеск, протянул туда руку и, нащупав, до упора ввернул в патрон электрическую лампочку.

Открывшееся зрелище заставило его тихонько присвистнуть. Он ожидал увидеть именно то, что увидел, и все-таки был сильно впечатлен. Два десятка танков, стоящих бок о бок в тесном для такого количества боевых машин замкнутом пространстве выглядели как-то иначе, чем порознь и на открытом воздухе – более грозно, что ли, более внушительно. В местах, куда они направлялись, таким броневым кулаком можно проломить, разбить вдребезги и развеять прахом любую оборону, остановить, опрокинуть и растоптать любое нашествие. Так, по крайней мере, казалось сейчас, когда они стояли, одинаково свернув назад башни со стальными хоботами зачехленных орудий; для настоящей войны бронесиленок маловато, но для разбойничьих набегов с целью захвата чужих огородов в краю глинобитных хижин под тростниковыми крышами этого более чем достаточно.

Вид этого железа, только прикидывающегося мертвым, а на самом деле одержимого манией убийства, для которого его и создали, развеял все сомнения: груз и впрямь стоил того, чтобы заплатить за него несколькими человеческими жизнями. Потому что, если танки вырвутся из стального чрева корабля на оперативный простор, погибнут не единицы и даже не десятки, а тысячи.

Тусклого света одной на весь фальшивый трюм лампы хватало, чтобы разглядеть на башнях бортовые номера и цифровые коды принадлежности к войсковой части, которые никто не потрудился закрасить. Глебу на мгновение стало интересно, сколько из этих списанных машин до сих пор на ходу, но этот вопрос был продиктован праздным любопытством, и он сейчас же о нем забыл. Сейчас ему пригодился бы фотоаппарат, чтобы сфотографировать номера, – желательно, в водонепроницаемом корпусе.

«Да, – не без сарказма подумал он, – желательно. А еще желательнее было бы просто спокойно перейти на борт российского военного корабля, капитан которого оказался бы настолько любезен, чтобы, сняв с этого корыта и заковав в наручники экипаж, согласился без дальнейших проволочек расстрелять посудину в упор и пустить ко дну. А то знаем мы эти официальные процедуры: семь лет следствия с участием наблюдателей от заинтересованных стран, двадцать пять томов уголовного дела, а в результате – пшик, оправдательный приговор. А вещественные доказательства в виде двадцати Т-62, отправленные для хранения и последующей утилизации на какой-нибудь местный таможенный склад, тем временем тихо испарятся, чтобы вскоре объявиться если не у нынешнего покупателя, то у кого-нибудь из его конкурентов… Милое дело! Так что лучше мы не станем ждать милостей от природы и как-нибудь обойдемся без военного корабля, международного трибунала, а заодно и без фотоаппарата – неважно, в каком именно корпусе, раз его все равно нет…»

Кое-какое техническое оборудование у него все же имелось. Запустив руку в глубокий карман промасленных рабочих брюк, Глеб извлек оттуда и задумчиво подбросил на ладони маленький предмет из черной пластмассы, похожий на брелок пульта дистанционного управления охранной системой автомобиля. Это и был пульт с небольшим прямо-

угольным дисплеем, парой кнопок для установки времени и круглой клавишей посередине, помеченной лаконичной надписью по-английски: «On». Клавиша с надписью «Off» отсутствовала – приборчик был одноразовый, для однократного применения. Глеб пронес его на борт, подвесив к ключу от несуществующего автомобиля, который будто бы дожидался его на стоянке в порту Находка.

В силу своей компактности данное устройство отличалось предельной простотой конструкции, ввиду чего было небезопасно: единожды включив, выключить его было уже невозможно. Вернее сказать, после включения эта штуковина превращалась в бесполезную игрушку наподобие валяющегося в ящике с инструментами сломанного выключателя: сколько им ни щелкай, люстре под потолком от этого ни жарко, ни холодно. Глеб не имел большого желания из-за случайного нажатия кнопки поменять статус, превратившись из того, кто ходит по морю, в то, что по нему плавает, где-нибудь посреди океана, в сотнях миль от ближайшего берега, и потому предпочитал хранить батарейки отдельно. Сейчас, когда путешествие близилось к концу, характер груза окончательно прояснился, а берег находился в пределах прямой видимости, осторожничать дальше уже не имело смысла.

Он вынул из другого кармана и, сдвинув крышку на корпусе устройства, вставил в гнездо плоский и круглый, похожий на новенькую никелевую монетку элемент питания. Круглая клавиша с надписью «On», как обычно и бывает в подобных случаях, разбудила беса противоречия, который вечно подстрекает человека сделать то, от чего лучше воздержаться – посмотреть, что находится внутри железного шкафчика с надписью «Не влезай – убьет», сказать шефу прямо в лицо все, что о нем думаешь, плюнуть с балкона на фуражку полицейскому или нажать красную кнопку и поглядеть, что из этого выйдет.

Убрав эту провокационную штуковину от греха подальше обратно в карман, Глеб опустил крышку люка и аккуратно пристроил на место мешки. До порта назначения оставалось меньше суток хода, уже к вечеру завтрашнего дня «Стелла» должна была бросить якорь и стать под разгрузку. При свете дня Глеб мог выполнить стоящую перед ним задачу с таким же успехом, как и глубокой ночью, вот только уйти целым и невредимым после восхода солнца будет не в пример труднее. Ждать было нечего; оглядевшись напоследок и убедившись, что мешки пребывают в полном порядке и выглядят так, словно их никто не трогал с момента погрузки, Сиверов пустился в обратный путь.

Он поднялся наверх по крутому железному трапу и осторожно выглянул в прорезанный в двери круглый иллюминатор. Часового поблизости не наблюдалось. Теоретически он мог притаиться справа или слева от двери, в мертвой зоне, но с чего бы ему вдруг вздумалось играть в прятки?

Глеб повернул вниз железную рукоятку – вернее, попытался повернуть, потому что та не сдвинулась ни на йоту. Он нажал сильнее, потом, ухватившись обеими руками, повис на облупленном стальном рычаге всем своим весом, и с тем же результатом: рычаг не поддавался, как будто это был не корабельный вариант дверной ручки, а толстый дубовый сук или ствол орудия одного из тех танков, что стояли в трюме, для блезира замаскированные мешками с пшеницей.

Судя по всему, дверь была заперта.

Люк, мысленно напомнил себе Глеб. Не дверь, а люк, и не заперт, а задраен. Ему всю дорогу приходилось внимательно следить за своим языком, чтобы не выдать себя, случайно назвав переборку стеной или трап лестницей. Теперь это как-то вдруг, в одночасье, потеряло значение и смысл: какая разница, как оно там называется? Хоть горшком назови, только в печку не ставь; в данный момент Глеб Сиверов чувствовал, что его поставили-таки в печку.

И еще он чувствовал, что пятки начинает мало-помалу припекать.

Глава 3

Чтобы попасть с центральной площади на улицу Бакунина, где проживал в своем наследственном имении учитель русского языка и литературы Александр Иванович Лялькин, нужно было пройти мимо расположенного на улице Герцена здания районного управления внутренних дел. В паре кварталов от этого места, не столько страшного или опасного, сколько неприятного, вызывающего инстинктивное желание обойти его стороной, поэт Морев услышал впереди быстро приближающийся топот множества бегущих ног, бряцание металла и людские голоса.

Не испытывая ни малейшей потребности в новых впечатлениях, не говоря уже о приключениях, стремясь лишь поскорее очутиться дома, лечь в постель и с головой укрыться хранящим несвежий запах его тела одеялом, потрясенный недавними событиями пиит сошел с мостовой на травянистую обочину и спрятался в густой тени высокого, слегка покосившегося в сторону улицы дощатого забора, над которым застывшими клубами мрака темнели запущенные, сто лет не знавшие обрезки и должного ухода кроны садовых деревьев. «Величество должны мы уберечь от всяческих ему не нужных встреч», – вспомнилось ему. Действительно, после всего, что случилось, даже если это ему просто померещилось, еще какие-то встречи были Александру Ивановичу нужны, как острый сердечный приступ, особенно здесь и сейчас – в два часа ночи, на неосвещенной улице райцентра Верхние Болотники, жителей которого и в светлое время суток нечасто увидишь трезвыми.

По мере приближения топота Лялькин начал различать и другие звуки – тяжелое пыхтение, кашель, сдавленный мат. Бегущие направлялись в сторону площади, и вскоре Александр Иванович сумел их разглядеть. В безмятежном лунном сиянии мимо него, тяжело топоча форменными башмаками, нестройной толпой пронеслось десятка полтора полицейских – насколько мог судить не особо сведущий в таких делах служитель муз, чуть ли не весь личный состав местного УВД. Некоторые щеголяли в бронежилетах и стальных касках, другие, напротив, были одеты не полностью и имели вид людей, только что грубо выдернутых из постели и еще не до конца проснувшихся. Двое или трое заметно прихрамывали; в целом сцена сильно напоминала бредовое видение, настолько органично вписываясь в общую картину этой безумной ночи, что Александр Иванович опять заподозрил, что спит и видит сон, в котором причудливо смешались его впечатления от повседневной жизни Верхних Болотников и реалии любимой компьютерной игры. Кучка полусонных полицейских, в пешем строю спешащих на отражение танковой атаки, выглядела даже нереальнее, чем «тигр» на площади; они смахивали на сумасшедших, а у Александра Ивановича осталось еще довольно здравого смысла, чтобы понимать: если все вокруг кажутся тебе душевнобольными, крыша, скорее всего, поехала у тебя самого.

– Ох, рано встает охрана, – вполголоса пробормотал Александр Иванович, проводив взглядом замыкавшего процессию толстопузого усатого сержанта в полной боевой выкладке, который, хрипя, как астматик во время приступа и заметно прихрамывая на левую ногу, из последних сил поспешал за ускакавшими далеко вперед коллегами.

Да, побудка у этих ребят нынче и впрямь случилась ранняя – если она была в действительности, эта побудка, а не приснилась Лялькину спьяну.

По законам сна он сейчас должен был «вспомнить», как накануне купил у проживающей через два дома от него самогонщицы Антоновны бутылку сомнительного галлюциногенного пойла – купил, выпил в гордом одиночестве и вырубился, погрузившись в наблюдаемый сейчас кошмар. Но ничего подобного не случилось; весь предыдущий день он помнил превосходно, во всех подробностях, обыденность которых находилась в кричащем противо-

речии с хулиганствующим на площади «тигром» и личным составом полицейского управления, отчего-то спешившим к месту происшествия на своих двоих.

От всего этого действительно можно было сойти с ума: он знал, что не спит и не бредит, и при этом понимал, что того, что он видит, просто не может быть.

Толстый сержант окончательно затерялся в пестрой мешанине пятен яркого лунного света и угольно-черных теней. Его фамилия была Сорокин, но в городе его чаще всего называли по прозвищу – «Спиннинг», данному каким-то местным остряком из-за внушительной комплекции. Спиннинг был так же реален, как трава под ногами и шершавая древесина забора, но, как и поэт Ярослав Морев, участвовал в абсолютно нереальных событиях.

Лялькин снова вынул из кармана телефон, вошел в меню и просмотрел сделанные встроенной камерой снимки. Фотография «тигра» с бортовым номером 107 никуда не делась; впрочем, это ничего не меняло, поскольку, если «тигр» Александру Ивановичу приснился, то до пробуждения было еще далеко.

Продолжая недоумевать, единоличный владелец виртуальной «пантеры» снова вышел на опустевшую проезжую часть: на здешнем так называемом тротуаре даже днем ничего не стоило по неосмотрительности наступить на следы собачьей жизнедеятельности, не говоря уже о курином помете. Нерешительно оглянувшись в сторону площади, где все еще выли и крякали сирены автомобильной сигнализации и кричали что-то неразборчивое людские голоса, Лялькин побрел в направлении дома. У него за спиной в ночном небе разрастался подсвеченный луной столб дыма, у основания которого мигали, то появляясь над крышами домов, то вновь исчезая из вида, мутно-оранжевые вспышки. Было непонятно, почему не едут пожарные, но Александр Иванович не стал ломать голову в поисках ответа на этот вопрос: отсутствие в зоне бедствия спасателей было, увы, не самым странным из того, что творилось вокруг.

Вскоре он поравнялся с расположенным на другой стороне улицы зданием УВД и убедился в том, что необъяснимые явления продолжаются. Ворота, ведущие во двор управления, были распахнуты настежь, а перед ними, перегородив всю проезжую часть, вкривь и вкось стояли все имеющиеся в распоряжении местных стражей порядка автомобили: два «уазика», микроавтобус той же марки, за форму кузова именуемый в народе «батоном», и служебная «Лада» начальника полиции подполковника Горелова. Все они стояли на спущенных, распластавшихся по асфальту резиновыми блинами шинах; дверцы были открыты, а вокруг, тоскливо матерясь и зачем-то пристально глядя под ноги, бродили водители в полицейской форме. Они явно были не в духе; не желая стать козлом отпущения и провести остаток ночи в «обезьяннике», а потом еще полдня отвечать на дурацкие, с подковыркой, вопросы, Лялькин снова сошел на обочину и, держась в тени, миновал опасное место.

Чтобы попасть домой, нужно было перейти улицу. Делая это, Александр Иванович смотрел не под ноги, а налево, где по-прежнему бродили, раздраженно пиная воздух, обозленные полицейские водители. Тут-то его и подстерегла очередная неприятность, которая, впрочем, сразу многое объяснила: Лялькин наступил на что-то острое – судя по ощущению, на гвоздь. Проклятая железяка проткнула тонкую подошву левой туфли и впилась в плоть – по счастью, неглубоко, ибо, почувствовав укол, Лялькин успел вовремя остановиться, не надавив на гвоздь всем своим весом. Шипя от боли, травмированный поэт запрыгал на одной ноге и почти сразу напоролся на второй гвоздь, который, к счастью, застрял в подошве, не пробив ее насквозь. Осторожно наступив на носок раненой ноги, Лялькин шаркнул подошвой по асфальту, и застрявшая в ней железка со звоном упрыгала в темноту. Тогда Александр Иванович снова принял позу цапли и, дотянувшись рукой, шипя сквозь зубы, выдернул гвоздь из левой ступни.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что это не один, а целых два гвоздя, скрученных друг с другом таким манером, что получился опирающийся на три растопыренных

ножки, направленный вверх острый стальной шип. Шляпки гвоздей были скушены клещами; таким образом, получившийся предмет имел целых четыре острия и представлял серьезную угрозу для автомобильных покрышек, как ни брось его на дорогу.

Чувствуя, что начинает прозревать, Лялькин присел на корточки, включил встроенный в корпус телефона светодиодный фонарик и описал лучом полукруг, старательно, как полицейские водители, вглядываясь в освещенный асфальт. Предчувствие его не обмануло: дорога была густо усеяна точно такими же штуковинами, как та, которую он только что извлек из своей левой подошвы.

Картина начинала проясняться, буквально на глазах теряя бредовый налет. Разбросанные по дороге в районе здания УВД самодельные стальные ежи, действительно, объясняли многое – пожалуй, все, кроме того, откуда взялся немецкий танк. Способ, которым господа полицейские добирались до места происшествия, их перемежающаяся хромота и даже отсутствие пожарных, не спешивших тушить такой важный стратегический объект, как здание администрации, больше не выглядели странными и загадочными. Старый танк при всех его неоспоримых достоинствах не может соревноваться в скорости с легковым автомобилем, даже если этот автомобиль – потрепанный полицейский «бобик». Планируя нападение на Верхние Болотники, неизвестные злоумышленники заранее позаботились о путях отхода. Предположение, что кто-то действительно сидел и, расстелив на столе карту местности, разрабатывал план танковой атаки на эту забытую Богом дыру, снова отдавало бредом, но разбросанные по проезжей части металлические ежи не допускали какого-то иного истолкования.

Александр Иванович подобрал один из них и осветил фонариком. Гвозди были новенькие, еще жирные от смазки, сантиметров пятнадцати в длину и, соответственно, чересчур толстые, чтобы говорить о детской шалости. Кто-то потратил солидную сумму, купив никак не меньше ящика этих гвоздей, и приложил массу усилий, скручивая их друг с другом и скусывая шляпки. Этот таинственный кто-то был взрослым человеком и наверняка работал не один. В танке сидели как минимум двое, один в кресле механика-водителя, другой у орудия, и еще двое – один за рулем, другой у открытого окна, с тяжелым мешком на коленях – должны были прокатиться по спящему городу на автомобиле, засеяв дорогу у здания полиции и пожарного депо своими шипастыми поделками.

Речь, судя по всему, шла о настоящем заговоре, результатом которого стало происшествие, подозрительно смахивающее на террористический акт. Александр Иванович живо представил себе грозную обвинительную речь прокурора на предстоящем судебном процессе и подумал, что тем, кому она будет посвящена, не позавидуешь: вломят от души, размотают срок на всю катушку, хотя, в отличие от большинства терактов, этот, кажется, обошелся без жертв.

У него за спиной негромко, знакомо звякнула потревоженная чьей-то ногой железка. Сидя на корточках, грубо возвращенный к реальности этим прозаическим звуком поэт пугливо обернулся через плечо. В глаза, заставив на мгновение зажмуриться, ударил яркий луч сильного аккумуляторного фонаря. Но прежде, чем это произошло, Александр Иванович успел разглядеть метрах в пяти от себя две мужские фигуры с блестящими в лунном свете кокардами, пуговками, нашивками и пряжками – словом, со всей этой мишурой, которой любое государство на планете старательно украшает своих сторожевых псов.

– А ну, стоять! – грозно произнес один.

– Сюда подошел! – не менее грозно потребовал другой.

Александр Иванович Лялькин являлся мирным, законопослушным гражданином Российской Федерации – не из каких-то принципиальных соображений, а в силу свойственной ему робости, сплошь и рядом граничившей с обыкновенной трусостью, и полного отсутствия предприимчивости. Разумеется, если бы его спросили, он ответил бы, что избегает

нарушений закона по убеждению, чтобы служить примером своим ученикам и т. д., и т. п., – но на самом деле поэт Морев просто не хотел неприятностей, всю свою сознательную жизнь старательно обходя препятствия и огибая острые углы. Извилистая траектория, по которой он двигался, незаметно для глаза вела под уклон, поскольку идти с горы легче, чем на нее подниматься, но речь не о том. Учитель Лялькин до сего дня не имел дела с правоохранительными органами, но жил он не в вакууме, а в маленьком городке, где все у всех на виду, и поневоле знал – пусть понаслышке, зато довольно отчетливо, – как в здешних краях работают эти самые органы. Перспектива сделаться козлом отпущения, тем самым беднягой, которому вломят от души и размотают на всю катушку, представлялась настолько реальной, что робкий сочинитель, даже не успев задуматься, впервые в жизни поступил не как тряпка, каковой в действительности и являлся, а как нормальный человек с развитым инстинктом самосохранения: вскочил и, забыв о пораненной ноге, бросился наутек.

Увы, здоровые рефлексы пробудились в нем слишком поздно, и убежать далеко Александру Ивановичу не удалось. Напуганный перспективой близкого знакомства с практикуемыми в Верхних Болотниках методами ведения следствия, Лялькин забыл не только о проколотой ноге, но и о том, что стало причиной травмы. Уже на втором шаге он со всего маху насадил здоровую ступню на очередной гвоздь. Это оказалось дьявольски больно; тихонько скуля сквозь стиснутые зубы, Александр Иванович мужественно проковылял еще два или три метра, снова наступил на стальной шип и с жалобным воплем, похожим на крик умирающей чайки, упал на четвереньки. При этом он насквозь проткнул левую ладонь и загнал еще один гвоздь в колено, а когда, не переставая жалобно кричать, опрокинулся на бок, заполучил еще и парочку неглубоких колотых ран в районе ребер.

Те, от кого он пытался убежать, приблизились, двигаясь осторожной, шаркающей походкой людей, не желающих по примеру своей жертвы распластаться на ложе из стальных шипов.

– Набегался, спортсмен? – насмешливо спросил водитель микроавтобуса сержант Круглов.

– Не рой другому яму – сам в нее упадешь, – назидательно добавил водитель подполковничьей «Лады» прапорщик Усанов.

– Какую яму? – проскулил с земли Лялькин. – Вы в своем уме? Ничего я не рыл!

– Разберемся, – пообещал прапорщик. В его устах это прозвучало, как вынесенный без суда и следствия приговор. – Хорош валяться, вставай!

Поэт Морев, которого окончательно оставили даже те крохи мужества, которые подвигли его на неудавшийся побег, покорно попытался выполнить требование прапорщика и с очередным жалобным стоном сел на асфальт. Его тощее седалище при этом уцелело только чудом – видимо, бес, который забавлялся с ним этой ночью, решил сменить пластинку и придумать для Александра Ивановича какую-нибудь новую пытку.

– Здорово напоролся. В больницу бы его, – нерешительно заметил сержант Круглов.

– А на чем ты его попрешь – на горбу? – резонно возразил прапорщик. – Валяй, если не лень. Черт его не возьмет, я на эти гвозди в детстве сто раз наступал, и хоть бы хны – зажило, как на собаке!

Слушая, как два равнодушных человека в блестящих пуговицах препираются, решая его судьбу, не лишенный склонности к философствованию учитель Лялькин вдруг подумал, что эта ночь ужасов неспроста выпала именно ему. Жизнь его, пусть неяркая, незавидная, шла ровно – без головокружительных взлетов, но зато и без падений. Он привык к мысли, что так будет всегда, но, видимо, ошибся: неприятности и потрясения, которые он так старательно обходил, никуда не делись, не рассосались и не растаяли, как утренний туман. Они копились где-то, дожидаясь своего часа, и вот, наконец, дождались. Не стоящая выеденного яйца ссора с Аннушкой из-за виртуальной «пантеры» стала каплей, переполнившей чашу,

тем самым мелким камешком, что стронул лавину. Теперь менять что-либо и даже о чем-то сожалеть было поздно: лавина уже накрыла его с головой и стремительно несла – несла, надо полагать, не к сияющим вершинам, а в прямо противоположном направлении – к чертям собачьим в пекло.

Неожиданно Александр Иванович почувствовал полное безразличие к своей дальнейшей судьбе – видимо, перегруженный впечатлениями этой сумасшедшей ночи мозг объявил забастовку и впал в прострацию, предоставив событиям развиваться как им заблагорассудится. Перестав стонать и всхлипывать, виртуальный танкист Лялькин самостоятельно повыдергивал из своих окровавленных конечностей скрученные из гвоздей стальные колючки, без посторонней помощи поднялся на ноги и, хромая, оставляя на освещенном луной асфальте темные кровавые отпечатки, направился к зданию УВД.

* * *

И на старуху бывает проруха. Объяснить произошедшее Глеб Сиверов не мог ничем, кроме этой старой народной поговорки. Понадобился всего лишь краткий миг, чтобы превратить положение из просто дурацкого в безвыходное, и осознание непоправимости допущенной ошибки пришло мгновенно, с задержкой в какую-то мизерную долю секунды.

Стоя у запертой снаружи стальной двери и чувствуя, как проходит, расползаясь по правому бедру и потихонечку исчезая, легкая боль от шлепка ладонью, Глеб подумал, что чересчур глубоко вжился в роль веселого и бесшабашного пьяницы-моториста Молчанова. Специальный агент ФСБ Сиверов, обнаружив, что неожиданно оказался взаперти, не стал бы издавать досадливые возгласы и совершать ненужные телодвижения, а сразу задействовал бы единственный орган, от которого в сложившейся ситуации мог быть хоть какой-то толк, – головной мозг. Иное дело Федор Молчанов; убедившись в том, что никогда не запиравшийся люк наглухо задраен, и открыть его изнутри нет никакой возможности, этот разгильдяй в промасленной робе вполголоса чертыхнулся и от души хлопнул себя ладонью по бедру. Хлопнул, попал по карману, почувствовал, что в кармане что-то есть, и понял, что пропал со всеми потрохами, раньше, чем вспомнил, что это за штука.

Вышло, действительно, очень глупо, и, вынимая из кармана пульт дистанционного управления радиофицированным взрывателем, Глеб понял, что так, наверное, и должно было случиться рано или поздно. Что бы ни уготовила для него судьба, со стороны его гибель в любом случае должна смотреться достаточно нелепо. Ясно, что от смерти не уйдет никто; ясно также, что люди его профессии, если только не сообразили вовремя сменить амплуа и подыскать более спокойную работу, долго не живут. Но именно потому, что по долгу службы эти люди едва ли не каждый день оставляют смерть с носом, когда она их все-таки настигает, окружающие, разводя руками, говорят: «Надо же, как глупо!» И нет никакой разницы, будет это пуля засевшего на дальней крыше снайпера, неожиданно выскочивший из-за угла автомобиль или внезапный сердечный приступ – любая случайная, скоропостижная смерть выглядит нелепо и глупо. Что же до смерти НЕ глупой – от старости или, как пишут в некрологах, после продолжительной болезни, – то до такого конца Глеб Сиверов искренне надеялся не дожить.

Правда, и на такую скорую развязку он как-то не рассчитывал. Что глупо, это ерунда; случайно шлепнул ладонью не по тому месту, не вовремя чихнул, на полградуса недовернул руль или шагнул мимо ступеньки – все это донельзя глупо, и все это периодически случается с самыми разными людьми. Но стоило ли так торопиться?

Глеб посмотрел на пульт. Его худшие предположения подтвердились: случайный шлепок по карману оказался ненужно точным. Прямоугольное окошечко в пластиковом корпусе больше не было слепой темной стекляшкой – оно ожило, и в нем, размеренно помигивая

двоеточиями, зловещим красным огнем горели цифры: 00:09:57… 56… 55… Глеб собственноручно настроил взрыватель на десятиминутное замедление. В тот момент ему казалось, что этого более чем достаточно, чтобы спокойно, не привлекая ничьего внимания, собрать вещи и так же спокойно, без суеты покинуть судно.

Теперь оставалось утешаться лишь тем, что смерть его будет не напрасной. Два десятка танков за одну жизнь – не такой уж плохой обменный курс, и по меркам любой войны личное поражение Слепого являлось большой победой. Капитан Гастелло и его экипаж, Александр Матросов и многие, многие другие – отличная компания для стареющего полевого агента, как бы напыщенно и пафосно это ни звучало.

Увы, утешение было слабое: генерал Потапчук рассчитывал на большее, и Глеб был с ним полностью согласен, отлично понимая, что уничтожить танки – это только половина дела, причем как раз та, что полегче. С ней превосходно справилась бы обыкновенная самонаводящаяся ракета – безмозглая металлическая труба, начиненная взрывчаткой и микросхемами, которая, прилетев из-за горизонта, разнесла бы эту посудину вдребезги куда эффективнее, чем заложенный Глебом в машинном отделении заряд. Более того, заодно она прикончила бы и Пагаву, который пока что имел все шансы выйти сухим из воды, преспокойно добравшись до йеменского берега в шлюпке, и заняться организацией новых поставок.

Потапчука интересовали не танки как таковые и даже не Ираклий Шалвович, который был всего лишь посредником, а те люди, которые ему эти танки продали. Цифровой код на башнях мог о многом рассказать, а теперь из-за допущенной Глебом пустяковой оплошности этот код вот-вот должен был отправиться на дно.

Да и вообще, Глеб как-то не привык оказываться единственной жертвой собственной операции. Вот это уже было по-настоящему глупо и обидно – утонуть, как слепой котенок в мешке, в который сам же и залез, пока твои враги в моторных вельботах направляются к недалекому берегу по спокойному, теплому морю.

Он подумал о стоящих в потайном трюме танках, но сразу прогнал эту ненужную мысль: боекомплекта в машинах, естественно, нет, топливные баки пусты, и толку от «шестьдесят вторых», таким образом, даже меньше, чем от мешков с пшеницей, на которых хотя бы можно всласть, с относительным комфортом поваляться перед смертью.

– Ладно, приятель, – вполголоса обратился он к мотористу Молчанову, – ты меня в эту дыру загнал, ты и доставай. – И, барабаня по двери кулаками, благим матом заорал: – Помогите! Люди, ау! Есть кто живой? Люди-и-и!!!

На тот случай, если прохаживающийся по палубе часовой его не услышал, Глеб повернулся к двери спиной и забарабанил по ней каблуком грубого рабочего ботинка. Дверь загудела, как набатный колокол; оставалось только надеяться, что этот грохот и гул не достигнут ушей отправившегося в свою каюту Пагавы.

Барабанить пришлось почти полторы минуты – видимо, часовой, охранявший этот борт, либо ушел далеко, на самый нос, либо задержался на корме, где все звуки заглушали ровный шум винтов и плеск кильватерной струи. Наконец, в паузе между гулкими ударами каблука о вибрирующее железо Глеб услышал ответный стук в дверь и, обернувшись, увидел в круглой раме иллюминатора хмурое и удивленное лицо часового. Толстое стекло исключало возможность ведения переговоров; Глеб завертел перед иллюминатором руками, жестами выражая горячее (и притом абсолютно искреннее) желание поскорее очутиться снаружи. Нахмурившись еще сильнее, часовой посветил в иллюминатор фонариком. Ожидавший этого Сиверов успел зажмуриться, но яркий свет больно ударил по гиперчувствительным зрачкам даже сквозь плотно сомкнутые веки.

Послышался металлический лязг запора – видимо, охранник узнал принятого на борт в Мумбаи моториста и решил выяснить, какого дьявола тот делает в запертом и охраняемом

трюме. Поднимать тревогу по всему судну и даже беспокоить уважаемого Ираклия Шалвовича он не стал: у отставшего от своего корабля в заграничном порту моториста Молчанова была репутация выпивохи и разгильдяя, который, само собой разумеется, не мог представлять никакой угрозы для почти двухметрового, сильного, тренированного и хорошо вооруженного профессионального вояки.

В этом их с Глебом мнения расходились: отдавая должное выучке противника и его превосходству в огневой мощи, Сиверов считал, что заливающая запертый железный трюм вода, как ни крути, опаснее сотни таких, как он.

– Ты чего тут? – слегка приоткрыв дверь, неприветливо осведомился часовой. – Чего быкуешь, мазута?

– Свет убери, – прикрываясь рукой, слегка заплетающимся языком потребовал мотористМолчанов. – Пройти дай, мне на вахту скоро!

– А каким это ветром тебя сюда занесло? – подозрительно спросил охранник. При этом он сделал полшага назад и немного прикрыл дверь, явно не горя желанием выполнить требование загулявшего моториста.

– А я знаю? – обиженно заявил Глеб. – Шел, вроде, к себе в кубрик, а проснулся тут, да еще и взаперти… Может, ребята пошутили?

– Пить надо меньше, – посоветовал часовой. – Это ж как надо набраться, чтоб человека, как мешок с дерьмом, от кубрика до трюма через все трапы протащили, а он даже не проснулся! С трезвым так не пошутишь. Какая тебе, такому, вахта, ты ж нас всех на хрен утопишь! Сиди тут – типа, в вытрезвителе. Пускай с тобой твой капитан утром разбирается, а не хочешь – Пагаве скажу, он тебя, барана, враз протрезвит. Пешочком отсюда до порта пробежишься – авось проветришься!

Он сделал еще полшага назад и взялся рукой за железное дверное полотно с явным и недвусмысленным намерением осуществить свою угрозу, но Глеб воспрепятствовал этому, живо просунув в щель ботинок.

– Не спеши, вояка, – пьяно ухмыляясь, сказал он. – А то как бы нам всем вместе с твоим Пагавой в автономное плавание не пуститься. Как ты говоришь, пешочком. Гляди, чего я тут нашел! Это ж, по ходу, бомба!

– Какая еще, на хрен, бомба? – сказал охранник, вглядываясь в приборчик, который с гордым видом демонстрировал ему пьяница-моторист. – Сам ты бомба!

Охранник был человек военный – если не в настоящем, то, как минимум, в недалеком прошлом – и знал, разумеется, что реальные бомбы, в отличие от тех, которые можно увидеть в кино, не мигают красными лампочками, не имеют дисплеев со светящимися цифрами какого бы то ни было цвета, не тикают и вообще не делают ничего такого, что могло бы выдать их присутствие. Знал он, естественно, и то, что устройство размером со спичечный коробок заведомо неспособно нанести достойные упоминания повреждения океанскому сухогрузу. На ладони у моториста Молчанова лежал обыкновенный таймер, но таймер отсчитывал время, которого осталось меньше пяти минут, и можно было только гадать, что произойдет, когда на дисплее разом покажутся шесть нулей.

– Дай-ка сюда, – потребовал охранник, протягивая к таймеру руку.

Что и требовалось доказать.

Схватив за предплечье, Глеб рывком втащил его внутрь. Реакция у часового оказалась неплохая, но в данном конкретном случае ее было недостаточно: сопротивление прекратилось, не успев начаться, когда Слепой, выхватив из висящих у противника на поясе ножен острый, как бритва, вороненый клинок, снизу вверх по самую рукоятку вогнал его под грудную кость.

– Всегда говорил, что от лишнего оружия больше вреда, чем пользы, – сообщил он, глядя в стремительно покрывающееся мертвенной бледностью лицо с изумленно открытым

ртом и широко распахнутыми, остановившимися глазами. – Вот на кой черт тебе здесь, на борту, понадобилось это перо?

Охранник тяжело захрипел, из уголка рта на подбородок алой струйкой хлынула кровь. Как всегда в подобных случаях, чувствуя себя мясником, Глеб ловко ободрал с него пробковый спасательный жилет и армейское кепи, завладел автоматом, а потом, выпустив, наконец, ставшую скользкой от крови рукоять ножа, легонько толкнул противника в грудь.

Охранник кувыркнулся через железные перила и, пролетев пять метров по вертикали, с глухим шлепком распластался на мешках с пшеницей. Глаза его так и остались открытыми, металлическая пятка торчащего под грудиной ножа неярко поблескивала в свете дежурных ламп.

– Руслан в степи с мечом в груди, – сверху вниз глядя на дело своих рук, негромко процитировал Сиверов. Ему было грустно, и еще он немножечко жалел, что там, на мешках, лежит не Пагава.

Он нацепил спасательный жилет, заменил промасленный берет с хвостиком армейским кепи, еще хранившим чужое тепло и слегка влажноватым изнутри от пота только что убитого хозяина, и лязгнул затвором, дослав в ствол автомата патрон. Все было готово. Никому не нужный и ни на что более не влияющий таймер лежал на решетчатом железном полу, заговорщицки подмигивая красными двоеточиями. Глеб заметил, что он показывает три минуты с какими-то секундами, и, мысленно пожав плечами, коротким пинком отправил его вниз, составить компанию мертвому часовому.

Он боком выскользнул из трюма и аккуратно прикрыл за собой дверь, очень надеясь, что с высоты ходового мостика благодаря чужому кепи, оранжевому спасательному жилету и автомату сойдет за охранника. Не глядя наверх, где расположился пулеметчик, он неторопливой походкой патрулирующего вверенный ему участок часового двинулся в направлении правого борта, за которым, отделенный от судна несколькими милями спокойной воды, лежал невидимый в темноте берег Йемена. Прожектор на крыше мостика заливал палубу режуще-ярким светом, и Глеб, вынув из кармана, нацепил на переносицу темные солнцезащитные очки.

Глазам сразу стало легче, зато все остальное, увы, пошло кувырком.

– Эй, на палубе! – донесся сверху усиленный мегафоном лязгающий окрик. – Стоять! Покажи лицо!

Глеб досадливо поморщился. Было неизвестно, что именно привлекло внимание дежурившего на мостике пулеметчика – замасленные рабочие штаны вместо камуфляжа или надетые посреди ночи темные очки, – да это и не имело значения, поскольку уйти по-английски, не прощаясь, ему уже в любом случае не светило.

– И чего тебе в другую сторону не смотрелось? – вполголоса пробормотал он, послушно остановился, обернулся и показал пулеметчику свое истинное лицо, дав одну за другой две короткие очереди от живота.

Со звоном и дребезгом посыпалось разбитое стекло, охранник ударился спиной о стену рубки и сполз по ней на стальной настил мостика, оставив на покрытом облупившейся белой краской металле переборки смазанную темную полосу. Осиротевший пулемет задрал к звездам длинный тонкий хобот, как воющая на луну собака, а судно вдруг изменило курс, повернув прочь от берега в открытое море, из чего Глеб сделал вывод, что вахтенному рулевому тоже досталось на орехи.

Маскировка себя исчерпала. Кто-то врубил сирену, и ее потусторонние, скребущие прямо по нервным окончаниям вопли разнесли вдребезги тишину теплой безветренной ночи. Послышался топот бегущих ног, встревоженные крики; суматоха началась так быстро, словно дело происходило не на старом, дышащем на ладан сухогрузе, а на большом военном корабле, где только что объявили боевую тревогу. Глеб побежал, на ходу одной рукой сдирая

с себя ставший лишним спасательный жилет. Кто-то послал ему вдогонку ненужно длинную очередь из автомата, заставив усомниться в поголовном профессионализме и хладнокровии наемников уважаемого Ираклия Шалвовича. Трассирующая пуля с коротким треском прошила наполовину снятый жилет, плюнув на выходе пробковой крошкой и клочками тлеющей синтетической ткани. Остальные ушли в никуда, огненным пунктиром нарисовав в бархатной черноте ночного неба длинную пологую дугу. Сиверов обернулся и, слегка припав на колено, срезал стрелка короткой очередью. На смену убитому бойцу со всех ног спешили новые; не имея ни малейшего желания затевать с ними военную игру «Зарница», Глеб отшвырнул автомат, сбросил простреленный жилет, в три прыжка преодолел оставшееся расстояние и с разбега взлетел на стальной фальшборт.

По бугристому от напластований краски, испещренному потеками ржавчины железу, высекая из него искры, с лязгом пробарабанила еще одна очередь. Глеб набрал полную грудь воздуха и прыгнул, постаравшись как можно сильнее оттолкнуться ногами. Человек он был сугубо сухопутный и опасность быть затянутым под бешено вращающиеся гребные винты «Стеллы» представлял себе, в основном, по прочитанным в детстве художественным книгам да просмотренным фильмам соответствующего содержания. Зато перспектива схлопотать пулю в затылок, пока будет, как пробка, болтаться в паре метров от борта, была ему знакома не понаслышке и представлялась вполне реальной. Потому-то он, потеряв пару драгоценных секунд, и избавился от спасательного жилета, который во всем остальном мог оказаться весьма и весьма полезным.

Он вошел в воду по касательной, как торпеда, и отчаянно заработал всеми четырьмя конечностями, стараясь уйти как можно глубже и дальше до того, как по нему откроют огонь.

Глава 4

Из ведущего к реке переулка послышался хриплый рев мотора и лязг гусениц. Было десять утра, с подернутого прозрачным кружевом легких перистых облаков неба светило незлое сентябрьское солнце. Трава вдоль покосившихся дощатых заборов еще стойко зеленела, но в ней уже довольно густо желтели фальшивым золотом монетки опавшей листвы – липовая осенняя валюта, которой наступающая зима расплачивается с нами за украденное лето. Там, где над заборами частных домовладений нависали ветви деревьев, дорога была усеяна осыпавшимися яблоками. Над раздавленными плодами, источающими пьяный аромат гниения, роились мухи, которым щедрая мать-природа в этом году подарила пару дополнительных недель тепла.

Распугивая мух и с неслышным за стальным рокотом гусениц треском давя яблоки, из переулка показалась угловатая, серо-зеленая стальная туша. Увенчанный набалдашником дульного тормоза длинный ствол мотался вверх-вниз, когда танк тяжело переваливался с ухаба на ухаб, за кормой клубилось мутное облако перемешанной с дымом выхлопа пыли. Люк механика-водителя был открыт, из него торчала голова в танковом шлеме. Шлем был русский и даже, пожалуй, советский: порыжелый от старости матерчатый верх прозрачно намекал на то, что данный предмет гардероба присвоили и начали использовать в качестве мотоциклетного шлема задолго до того, как новая Россия обрела независимость. Если приглядеться, спереди на лбу еще можно было разобрать нанесенные белой краской по трафарету цифры – 326. Тот же номер свежо белел на броне командирской башни, и это смотрелось немного странно, потому что танк, в отличие от шлема механика-водителя, никогда не имел и не мог иметь отношения ни к советской, ни к российской армии.

Подъехав к перекрестку, «тигр» дисциплинированно остановился перед знаком «Уступи дорогу». Голова в порыжелом танковом шлеме завертелась из стороны в сторону, оценивая ситуацию; убедившись в том, что путь свободен, механик-водитель тронул тяжелую машину с места, развернулся на одной гусенице, и призрак давней войны бодро запылил по немощеной деревенской улице.

Как ни странно, его появление на центральной транспортной магистрали населенного пункта не вызвало среди местного населения ни малейшего ажиотажа. Напротив, немногочисленные встречные пешеходы приветствовали человека, чья голова торчала из люка, как старого знакомого, каждый на свой манер: кто махал рукой, кто вежливо приподнимал головной убор, а кто-то просто кивал. Механик-водитель отвечал на все эти приветствия одинаково: подносил к козырьку шлема правую ладонь, в небрежной манере находящегося вне строя старого служаки отдавая честь.

Водитель тарахтящего навстречу, густо забрызганного грязью и коровьим навозом трактора, поравнявшись с «тигром», весело бибикнул, и танкист привычно козырнул ему из люка. У него было прорезанное глубокими мимическими морщинами худое загорелое лицо с седой щеточкой аккуратно подстриженных усов и голубовато-серыми, будто выгоревшими на солнце, истинно арийскими глазами. В вырезе потрепанной камуфляжной куртки без знаков различия виднелся полосатый треугольник тельняшки, в зубах, грозя подпалить усы, дымился окурок папиросы. Ненароком выскользнувший из-под одежды оловянный нательный крестик, слегка покачиваясь, мирно лежал поверх выгоревших полосок застиранной тельняшки, указывая на принадлежность своего владельца к православной конфессии. Танк, в отличие от механика-водителя, таким украшением похвастаться не мог: красная звезда смотрелась бы на башне «тигра» неуместно, и еще более неуместным показался бы здесь и сейчас нацистский крест.

За плавным поворотом деревенской улицы, неподалеку от неоштукатуренного кирпичного домика местной управы на пыльной травянистой обочине стояли три автомобиля: известная здесь каждой собаке серебристая «Волга» главы поселения Звонаревой, сине-белая полицейская «шестерка» и сильно запыленный джип, передняя часть которого от бампера до ветрового стекла была густо залеплена разбившейся мошкарой. На крыше внедорожника поблескивало в солнечных лучах синее ведерко проблескового маячка, в котором здесь, за полсотни верст от ближайшего асфальтового шоссе, не было никакой нужды. Загрязненный до почти полной невозможности разобрать буквы и цифры номерной знак многое мог рассказать сведущему в таких вопросах человеку, вызвав разумное желание держаться подальше от этой машины и ее хозяев. Среди местных жителей таких сведущих не было, но синее ведерко, даже если не обращать внимания на стоящие по соседству автомобили, само по себе говорило о многом.

Рядом с машинами топтались те, кто на них приехал – глава поселения Валентина Серафимовна Звонарева, участковый Лузгин, на чьих погонах тускло поблескивали местами облупившиеся до голого олова майорские звезды, и два сравнительно молодых гражданина в штатском, одетые вполне демократично, но при этом как-то так, что в них с первого взгляда можно было признать городских.

– Давно пора, – сердито и неприязненно поджимая густо подведенные перламутровой помадой губы, говорила Валентина Серафимовна. – Я сто раз предупреждала, что добром это безобразие не кончится, но вы же знаете, как это бывает у нас на Руси: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. И вот, пожалуйста, доигрались в демократию!

Участковый Лузгин, в огород которого один за другим падали тяжелые булыжники гневного административного красноречия, молча курил, хмуро глядя в сторону.

– Я предупреждала, – раздражаясь еще больше из-за отсутствия сопротивления, взвинчивая себя звуками собственного голоса, воинственно продолжала госпожа Звонарева, – я говорила, что нельзя позволять сумасшедшему с антисоциальными наклонностями разъезжать повсюду на этом… на этом чудовище! Это ведь уже не первый случай. Вы вспомните, как он едва не сровнял с землей здание управы!

– Так уж и сровнял, – проворчал Лузгин, заметивший, хоть и стоял спиной, как разом насторожились при упоминании об управе молодые люди в штатском. – Просто подъехал и постоял полчасика у крыльца. Между прочим, понять его можно, да и свои пятнадцать суток он давно отсидел.

– Пятнадцать суток! – возмущенно воскликнула Звонарева. – Да по нему психбольница плачет! Причем пожизненно.

– Врачи так не считают, – возразил Лузгин. – Водительские права у него в порядке, медицинская справка свежая, а ее без подписи психиатра не выдают.

– И потом, он разбивает дороги, – оставив в стороне вопрос о психическом здоровье обсуждаемого субъекта, добавила Валентина Серафимовна.

– Он же их и ремонтирует, – напомнил участковый.

– Это как? – заинтересовался один из людей в штатском.

– Да очень просто, – сказал майор. – Навешивает нож от бульдозера – да это ведь, если разобраться, бульдозер и есть, – и пошел скрести! Зимой снег чистит, летом ямы да ухабы заравнивает… Вместо грейдера, короче. Если б не он, вы б до нас на своем джипе вряд ли доехали – загорали бы сейчас верстах в тридцати отсюда, думали, где трактор искать.

Он пошевелил губами, явно имея, что добавить, но промолчал: выносить сор из избы, упоминая о том, что единственный на всю округу грейдер давно существует только на бумаге, при этих молодцах явно не стоило.

За поворотом стали слышны звуки, знакомые большинству людей только по фильмам о войне – рев мотора и рокочущий лязг, свидетельствующие о приближении тяжелого гусе-

ничного механизма. В той стороне, откуда они доносились, над ветхими заборами и путаницей корявых яблоневых ветвей встало желтовато-серое облако пыли, в котором можно было разглядеть выбрасываемые из выхлопных труб струи черного дыма. В просвете между шиферными крышами двух соседних домов мелькнула серо-зеленая броневая башня с написанным белой краской номером. Один из молодцев в штатском неуверенно шагнул назад, к своей машине, другой так же неуверенно потянулся к левому лацкану светлой спортивной куртки.

– Так ты уверен, майор, что он не станет… э…

– Чего не станет – воевать? – Лузгин невесело усмехнулся и вытряхнул из пачки новую сигарету. – Я вам свое мнение уже высказал, а дальше, как говорится, хозяин – барин. Охота вам перед всем честным народом позориться – валяйте, вызывайте кого хотите – ОМОН, спецназ, поддержку с воздуха… Люди вам только спасибо скажут: со зрелищами-то в деревне прямо беда, цирк шапито до нас еще ни разу не доехал, а тут целое представление, да еще и задаром…

– А он точно нормальный? – перекрикивая нарастающий рев и лязг, спросил второй оперативник из областного управления ФСБ. – Адекватный?

Лузгин в ответ только пожал плечами. Говорить о степени вменяемости хорошо ему знакомого и всеми здесь уважаемого земляка с людьми, полчаса назад рассказавшими дикую байку о ночном нападении «тигра» на Верхние Болотники, было, по меньшей мере, странно. Если кто-то и был не вполне нормален, так разве что тот, кто сочинил эту историю, более всего напоминавшую болезненный бред пациента психиатрической лечебницы. Расскажи ему все это кто-нибудь другой, Лузгин бы только посмеялся: и чего только люди спьяну ни придумают! Но документы у приезжих были в полном порядке, и вряд ли двум сотрудникам известного учреждения пришло бы в голову ехать сюда из самой области, трястись по ухабам и глотать пыль только затем, чтобы скормить деревенскому участковому дикую, ни с чем не сообразную басню.

Ясно, что эти ребята, как говорится, соврут – недорого возьмут, но какая им от этого выгода, какое удовольствие?

«Тигр» выставил из-за угла длинный хобот с набалдашником дульного тормоза, а потом показался целиком, во всей своей красе – серо-зеленый, угловатый, дымящий и грохочущий на всю деревню.

– Если я вам больше не нужна, то у меня еще куча дел, – по-прежнему неприязненно поджимая губы, сказала глава поселения Звонарева. – Откровенно говоря, видеть его спокойно не могу!

– Да-да, разумеется, – глядя на выползающий из-за поворота танк, рассеянно кивнул один из оперативников.

– Большое вам спасибо за помощь, – также не повернув головы, произнес второй голосом человека, разговаривающего во сне. – Слушай, – добавил он, обращаясь к напарнику, – а бортовой номер не тот!

– Номер – ерунда, – отмахнулся напарник. – Один закрасил, второй намалевал – пара пустяков! По крайней мере, это легче, чем раздобыть живого «тигра». Да еще с боекомплектом.

– Маленький он какой-то, – упрямо гнул свое первый, скептически глядя на утюжащий пыльную деревенскую улицу танк. – Или это мне кажется? И движок дизельный – гляди, как чадит!

– Ну и что?

– А я где-то читал, что у немцев с соляркой были серьезные проблемы, поэтому почти вся их техника бегала на бензине. Насчет «тигров» я, правда, не совсем уверен…

– Ну, вот!

– Все равно он какой-то мелкий, – сказал скептик.

– Я же вам говорил, что это обыкновенный бульдозер, – вставил участковый, но на его слова не обратили внимания – возможно, просто не услышали, а может быть, не поняли, что, собственно, он хотел этим сказать.

«Тигр» приближался, прямо как в кино, и уже были видны мелкие детали – сварные швы, заклепки, брызги грязи на серо-зеленой броне, застрявшие между звеньями траков комья влажной глины, пучки вырванной с корнем травы и раздавленные в гнилое фруктовое пюре яблоки. Скептик по примеру участкового Лузгина зубами вытащил из пачки сигарету и нервно защелкал зажигалкой, не сводя глаз с неторопливо надвигающейся бронированной махины, грозно таращащейся пустым зрачком дула. Капитан ФСБ Зернов проходил срочную службу в РВСН в качестве телефониста на командном пункте дивизии и до сих пор видел танки только на постаментах, музейных площадках под открытым небом, пару раз на железнодорожных платформах, а вот так, в движении, на расстоянии нескольких метров – никогда, разве что по телевизору. Зрелище было, без преувеличения, впечатляющее, особенно если не забывать, что натворил «тигр» прошлой ночью в райцентре Верхние Болотники.

– Вот же дура железная, – вторя мыслям напарника, сказал капитан Самарцев. – Даже смотреть жутко!

– Угу, – утвердительно промычал Зернов. Зажигалка упорно отказывалась работать, он раздраженно выплюнул так и не зажженную сигарету в пыльную траву и прежним скептическим тоном добавил: – Только все равно он как-то маловат.

Сам по себе танк вовсе не выглядел маленьким, но в том, как он смотрелся на фоне деревенских домов, яблоневых деревьев, столбов линии электропередач и прочих деталей пейзажа, чувствовалась какая-то странная диспропорция. Возможно, будь Зернов танкистом, такое ощущение у него бы не возникло, а если бы возникло, он сразу понял бы, что к чему. Собственно, он понимал это и сейчас, просто, не будучи специалистом, опасался целиком довериться своим ощущениям. Вот, например, голова механика-водителя, торчащая из люка, казалась чересчур большой, как будто танкист был михалковским Дядей Степой. «С вашим ростом в самолете неудобно быть в полете: ноги будут уставать, вам их некуда девать. И в пехоту не годны: из окопа вы видны»…

Вспомнилось еще, что, хотя у немцев T-VI считался средним танком, по советской классификации он относился к разряду тяжелых. То, что сейчас приближалось к ним, попирая гусеницами пыльную деревенскую улицу, выглядело, как самый настоящий «тигр», но размерами больше напоминало легкий танк начала Второй мировой или современную БМП.

Участковый Лузгин шагнул с обочины на дорогу, требовательно подняв руку. У Зернова немного отлегло от сердца, когда торчащий из люка танкист приветственно козырнул майору. Что-то протяжно заскрежетало, и танк остановился, окутавшись облаком догнавшей его пыли и сдержанно клокоча работающим на холостом ходу дизельным мотором. Участковый снова, еще требовательнее махнул рукой, двигатель чихнул и заглох, а механик-водитель, ухватившись рукой за основание орудийного ствола, подтянулся и ловко, как настоящий киношный танкист, выбрался из люка на броню, а оттуда спустился на землю. Росточка он оказался небольшого, заметно ниже участкового, которому тоже было далеко до звезды НБА, но макушка его порыжелого от старости танкового шлема почти доставала до серо-зеленой трубы задиристо поднятой кверху пушки.

– Да, действительно, – вполголоса произнес в наступившей тишине капитан Самарцев. – Мне тоже казалось, что «тигр» как-то побольше, повнушительнее, что ли… Но, во-первых, я его живьем ни разу в жизни не видал, а во-вторых, что с того? У тебя есть какие-то предложения? Или, может быть, версии?

Зернов в ответ лишь недовольно дернул плечом. Других версий у него не было, если не считать версией предположение об открывшемся где-то на окраине Верхних Болотников

пространственно-временном портале. Экипаж заблудившегося во времени «тигра» впопыхах, не разобравшись в ситуации, атакует мирно похрапывающий городок, а потом уползает восвояси, в свой далекий сорок третий – о, как это было бы славно! А главное, как чудесно объясняло бы все, от внезапного появления танка в центре города до его необъяснимого, таинственного исчезновения…

В общем-то, с точки зрения банальной эрудиции эта версия была не хуже любой другой, вот только проверить ее, не говоря уже о сборе доказательств, не представлялось возможным. Не поддающаяся проверке версия суть не что иное, как праздная болтовня, а раз так, придется работать с тем, что есть – вот с этим экземпляром в старом танковом шлеме, например…

Упомянутый экземпляр тем временем поздоровался с участковым за руку. Взволнованным или, упаси бог, напуганным он не выглядел, но это еще ни о чем не говорило. Устроить этот неописуемый, ни с чем не сообразный погром в райцентре мог либо полный идиот, не осознающий масштаба своих поступков и не думающий о последствиях, либо очень хладнокровный, уверенный в себе негодяй, который заранее спланировал не только нападение на Верхние Болотники, но и линию поведения во время неизбежного расследования.

Правда, прогулки на танке у всех на виду в такую продуманную линию вписывались едва ли не хуже, чем сам «тигр» – в обыденные реалии жизни российской глубинки во втором десятилетии двадцать первого века. Или линия была избрана уж очень мудреная – такая, что капитан Зернов пока что никак не мог уследить за ее замысловатыми зигзагами.

– Ну, что ей опять не так? – спросил «танкист», кивнув острым подбородком, на котором чуть заметно серебрилась проступившая за ночь щетинка, в сторону здания управы.

Покосившись туда, капитан Зернов увидел, что серебристая «Волга» главы поселения Звонаревой уже стоит у крыльца. Валентина Серафимовна показалась ему дамочкой недалекой и вздорной. «Дай свинье роги, а бабе власть», – так, бывало, говаривал покойный дед Зернова, получив очередную трепку от своей благоверной. Капитан не возражал против женского равноправия (поскольку, состоя на государственной службе, не имел права высказывать какое-то особое, отличное от общепринятого, мнение по данному вопросу). С наделенными властью дамами он встречался не впервые и, как правило, рано или поздно вспоминал любимую дедову поговорку. Но почему-то именно мадам Звонарева заставила вспомнить ее сразу, в первую же минуту – посмотрел и вспомнил, а если б не знал такой присказки, непременно сочинил бы что-нибудь в этом роде самостоятельно, экспромтом.

Звонарева явно питала к «танкисту» неприязнь, и дело тут, похоже, было не только и не столько в разбитых дорогах и танке как таковом. Даже вскользь упомянутый ею и участковым инцидент, за который владелец «тигра» схлопотал пятнадцать суток административного ареста, похоже, был не причиной, а следствием этой взаимной неприязни. В причинах ее, как и во многом другом, еще предстояло разобраться, для чего, собственно, Зернов с напарником сюда и прибыли.

– Куда ездил, Трофимыч? – спросил у «танкиста» участковый.

– Да на рыбалку, куда ж еще, – закуривая новую «беломорину», спокойно и неторопливо ответил тот. Просунув руку в открытый люк механика-водителя, он пошарил там и показал участковому наполненный мутноватой речной водой пластиковый пузырь, в котором, вяло шевеля плавниками, толклось с пару дюжин приличных, размером с ладонь, плотвичек. – Совсем в нашей речке рыбы не осталось, всю своими сетями выгребли, браконьеры чертовы.

– С ночевкой ездил? – проявляя абсолютно излишнюю, на взгляд Зернова, инициативу, взялся за расследование Лузгин.

– Ну, – кивнул «танкист». – Комары чуть живьем не сожрали. Правду говорят: конец света скоро. Ты погляди, что делается! Зима на носу, а им хоть бы хны: жрут, как в июне!

Зернов снова посмотрел на гусеницы танка. Застрявшая между звеньями трава здорово смахивала на осоку, а налипшую на траки грязь в такую сухую погоду, действительно, можно было найти только около водоема – речки, болота или лесного озерца.

– Не увяз? – будто угадав, о чем он думает, спросил участковый. – На лугу-то, небось, как всегда, топко!

– Топко, – согласился «танкист». – Только на этой штуке, чтоб увязнуть, еще постараться надо!

Он с гордостью постучал костяшками пальцев по броне. Зернов удивленно приподнял брови и красноречиво посмотрел на Самарцева. Звук получился гулкий, как будто человек в порыжелом шлеме постучал не по толстой танковой броне, а по пустой железной бочке из-под солярки. Самарцев в ответ тоже задрал рыжеватые брови и не менее красноречиво посмотрел на напарника, как бы говоря: да, я это слышал, и что теперь?

Он снова был прав. Рабочая версия чем дальше, тем больше выглядела несостоятельной, но отработать ее до конца следовало в любом случае. Другой у них по-прежнему не было, и, подавив вздох, капитан вынул из внутреннего кармана куртки служебное удостоверение и двинулся к танку, от которого даже на расстоянии трех метров ощутимо тянуло теплом и запахами горячего железа, дизельного топлива и выхлопных газов.

* * *

Глядя поверх высокого бетонного забора с глухими железными воротами, можно было увидеть только верхушку пологого травянистого пригорка. Там, наверху, из травы выглядывало некое приплюснутое, будто прильнувшее к земле сооружение из голого серого бетона, над которым торчала высокая, укрепленная растяжками металлическая мачта – то ли антенна, то ли громоотвод. Издалека это строение больше всего напоминало оголовок какого-то бункера или дота, сразу настраивая того, кто стоял перед воротами, на суровый военно-полевой лад.

Простые смертные оказывались перед этими воротами нечасто и только тогда, когда их сюда зачем-либо приглашали. Чтобы сюда попасть, нужно было проехать идущей через густой смешанный лес извилистой проселочной дорогой, у поворота на которую испокон веков висел «кирпич» – знак, категорически запрещающий проезд любого транспорта, кроме того, которому, как говорится, положено.

Тех, кто игнорировал запрет, в нескольких километрах от поворота встречал шлагбаум. Направо и налево от него, теряясь в лесу, тянулась изгородь из двух рядов колючей проволоки, между которыми через равные промежутки стояли деревянные вышки под четырехскатными шатровыми кровлями. Прикрученные к проволоке жестяные таблички красным по желтому грозно возвещали: «Стой! Запретная зона! Стреляют без предупреждения!»

Где-то в середине девяностых с вышек пропали часовые в серых армейских шинелях и надвинутых на уши пилотках. Проволока заржавела и местами порвалась, столбы покосились, а кое-где и упали, утонув в высокой и жесткой лесной траве. Обломки полосатого шлагбаума догнивали на обочине дороги, и в течение какого-то времени здешние места были довольно посещаемыми: грибники собирали тут маслята и подосиновики, а пронырливые и бесстрашные охотники за цветными металлом (как правило, без определенного места жительства) – пригодные к сдаче в утиль детали и фрагменты танковых снарядов. Периодически и те, и другие погибали; с бомжами это случалось чаще, поскольку в своей бесконечной погоне за легким хлебом они не останавливались даже перед тем, чтобы с помощью молотка и зубила разобрать на части неразорвавшийся снаряд.

Снарядов, различного рода взрывателей, запальных трубок и прочего опасного для жизни добра в здешних лесах хватало, поскольку при Союзе и еще какое-то время после

его развала тут располагался действующий танковый полигон. Каждый раз, когда очередного бомжа или компанию подростков, решивших, что будет очень забавно подбросить в костер вместо дров случайно найденную в лесу железяку и поглядеть, что из этого выйдет, разносило на куски, после неизбежной шумихи в прессе с обвинениями в адрес военных на полигон выезжала группа разминирования. Найденные взрывоопасные предметы обезвреживались на месте, а через некоторое время с заброшенного полигона опять привозили то немногое, что удавалось собрать после очередного несчастного случая.

Прекратилось это безобразие году, эдак, в восьмом или девятом. Проволочный забор, будто по волшебству, возродился из ржавого праха и древесной трухи, на месте шлагбаума появились запертые ворота, покосившиеся вышки снесли, а по узкому коридору меж двух рядов колючей проволоки заходили взад-вперед дюжие ребята в камуфляже с матерыми сторожевыми псами на коротком поводке. С бетонных столбиков ограды, не мигая, таращились круглые зрачки следящих камер, ухабистая лесная грунтовка как-то незаметно для широкой общественности превратилась в прямую и гладкую, на зависть немецким автобанам, асфальтированную дорогу. «Кирпич» на съезде со скоростного шоссе никуда не делся, и таблички с грозными, как окрик часового, предупреждениями снова запестрели на фоне лесной зелени. Тревожная красно-желтая цветовая гамма не изменилась, но на смену словосочетанию «Запретная зона» пришел его современный эквивалент: «Частная собственность».

Разумные люди, явившись в знакомые места и обнаружив произошедшие здесь изменения, с недовольным ворчанием поворачивали восвояси; неразумные, случалось, пытались проникнуть внутрь охраняемого периметра, но никто из них не преуспел. Диапазон нажитых при этом неприятностей был довольно широк, но о повторных попытках проникновения на полигон история умалчивает, из чего следует, что даже самым наглым и упертым нарушителям с лихвой хватало одного, первого и последнего раза.

За четыре года желающие посмотреть, что там за забором, повывелись, и теперь всякий, кому посчастливилось беспрепятственно миновать ворота внешнего периметра, мог спокойно, не опасаясь случайных встреч, любоваться из окна автомобиля неброскими красотами русской природы. Лес тут был чистый, ухоженный, как парк, но среди гостей этого уединенного места редко находились желающие совершить пешую прогулку: сюда приезжали не по грибы, да и расстояние между внешним периметром и базой было великовато для этих привыкших ценить свое время на вес золота людей.

В данный момент перед воротами того, что новые хозяина опустевшего танкового полигона для краткости именовали базой, стояли два автомобиля – черный «мерседес» представительского класса и тот самый внедорожник с синим проблесковым маячком на крыше, пассажиры которого буквально накануне впервые в жизни вживую видели настоящий «тигр» – ну, или, как минимум, то, что казалось таковым издалека. Лес остался позади. Он сплошной темно-зеленой, обильно забрызганной осенним золотом стеной возвышался в десятке метров от ворот, и, если оглянуться, можно было насладиться зрелищем прямой, как стрела, асфальтовой дороги, сходящей на нет в его пронизанных сентябрьским солнцем, по-хозяйски прибранных, вычищенных и упорядоченных на европейский манер дебрях. Из машин никто не вышел. Гости были званые, но нежеланные, даже самый титулованный из них далеко не соответствовал высокому статусу этого места. Все они чувствовали себя немного не в своей тарелке, вследствие чего старались держаться с достоинством, не выдавая своего смущения. В результате, как это всегда бывает с людьми, пытающимися задрать подбородок выше, чем ему предназначено природой, их поведение выглядело вызывающим и надменным.

Камер видно не было, но наблюдение, несомненно, велось. Громко щелкнуло реле, раздалось низкое гудение, и тяжелые створки ворот, погромыхивая, как далекий гром, начали разъезжаться в стороны, открывая проезд. «Мерседес» первым тронулся с места, въехал в

ворота и остановился, повинуясь повелительному жесту обнаружившегося за ними рослого субъекта в камуфляже и с автоматом поперек живота.

– Проезжайте, вас ждут, – сказал охранник, внимательно всмотревшись в предъявленное пассажиром удостоверение, и отступил на шаг.

За «мерседесом» на территорию базы въехал джип. Сидевший за рулем капитан Самарцев опустил оконное стекло слева от себя и, приветливо осклабившись, сделал охраннику ручкой. Охранник ответил пустым, невидящим взглядом и потянулся к пульту, чтобы закрыть ворота.

– У, козел, – негромко произнес Самарцев. В его голосе звучала ненависть бродячего кобеля, которого кормят ноги, к раздобревшему на хозяйских харчах цепному псу.

– Нашел, с кем связываться, – сказал ему капитан Зернов. – Ты лучше вокруг посмотри! Местечко-то любопытное, с какой стороны ни глянь!

Самарцев внял доброму совету и, изумленно присвистнув, остановил машину. Они очутились на широкой, выложенной цветной цементной плиткой площадке с прямоугольным газоном в центре. Прямо перед ними возвышался пригорок, макушку которого они могли наблюдать из-за ворот. Теперь было хорошо видно, что возвышенность искусственная, насыпная; хорошо виден был и дом – вернее, только его стеклянный фасад, поскольку все остальное скрывалось в толще пригорка, как будто кто-то опорожнил на выстроенный в стиле хай-тек шикарный особняк ковш гигантского, груженого землей самосвала.

– Что-то я не понял, – сказал Самарцев, – это вилла или бункер?

– Вилла, – заверил его Зернов. – Только проектировал ее, по ходу, не архитектор, а военный инженер-фортификатор. А так – самая обыкновенная вилла, скромный загородный домишко рядового российского чиновника.

– С приусадебным участком сорок на двадцать пять километров, – добавил Самарцев. – Живут же люди! Я тоже так хочу!

– Хоти на здоровье, – разрешил Зернов, – только больше никому об этом не говори. Оглянуться не успеешь, как станешь фигурантом служебного расследования. Объясняй потом, на какую такую зарплату ты эту лайбу приобрел!

Он похлопал ладонью по пластику передней панели и первым распахнул дверцу.

Их действительно ждали. С крыльца спускалась группа из четырех человек, двое из которых, здоровенные лбы в камуфляжных штанах, армейских ботинках и едва не лопающихся на могучих торсах майках защитного цвета, несомненно, были личными телохранителями хозяина. Эти держались сзади и по бокам; шествие возглавлял невысокого роста сухопарый гражданин в какой-то серо-зеленой полувоенной одежке, подозрительно смахивающей на обмундирование вермахта, а в центре этого живого треугольника неторопливо перебирал ногами широкие мраморные ступени крыльца господин Кулешов собственной персоной. Он был рослый, когда-то, видимо, очень стройный и спортивный, а теперь слегка раздавшийся, заплывший жирком, раздобревший от спокойной, сытой жизни на бюджетных харчах. Его холеное, лишенное возраста лицо в последнее время начало то и дело мелькать на страницах газет и экранах телевизоров, и, чем чаще это происходило, тем больше сходства оно, это лицо, по твердому (и тайному) убеждению капитана Зернова, приобретало с седалищем.

На Кулешове были брюки из какой-то мягкой коричневой ткани и что-то вязаное с поясом – Зернов не знал, как эта штука правильно называется, и про себя решил пока, до выяснения, считать ее кофтой. Можно было спросить у Самарцева, но Самарцев наверняка тоже этого не знал и ответил бы на серьезный вопрос очередной плоской остротой: полупердон, сказал бы Саша Самарцев, поскольку заведомо не мог придумать ничего умнее.

Звали господина Кулешова Сергеем Аркадьевичем. Подойдя к выбравшемуся из «мерседеса» прокурорскому чину, он снизошел до того, чтобы пожать гостю руку, после чего не преминул осведомиться, с кем имеет честь.

Прокурорский вручил ему свое служебное удостоверение, и хозяин взял себе за труд внимательно с ним ознакомиться.

– Заместитель прокурора области, – словно пробуя это словосочетание на вкус, протянул он, возвращая удостоверение владельцу. – А что ж сам-то времени не выбрал? Понимаю, понимаю – дела… А я вот решил немного отдохнуть на свежем воздухе. Что ж, пусть ваш шеф пеняет на себя – как говорится, ему же хуже. Но у вас ведь, насколько мне известно, имеются какие-то вопросы? Я слышал, областную прокуратуру почему-то заинтересовала моя коллекция?

– Скорее, один-единственный ее экземпляр, – поправил заместитель прокурора, чем, по мнению Зернова, с самого начала похоронил все дело.

Капитан, как и его напарник, с удовольствием обошелся бы без этого хлыща, но обойтись не получилось: Кулешов был птица не того полета, чтобы снизойти до общения с простыми оперативниками. Конечно, перед законом все равны, вот только в России закон не для всех одинаков; конечно, чиновник ранга Кулешова – не такая уж большая шишка на ровном месте, вот только связи у него такие, что ставят его чуть ли не вровень с министром.

– Какой именно? – спросил Кулешов.

– Скажите, нет ли среди экспонатов вашей коллекции «тигра» с бортовым номером сто семь? – спросил прокурорский.

«Баран, – подумал Зернов. – Сейчас он скажет: «Нет», – и что ты тогда станешь делать? Нет и никогда не было, а хочешь в этом убедиться – предъяви ордер на обыск. А пока ты будешь его выбивать, он позвонит своим знакомым, а что будет дальше, мы все прекрасно знаем. Ничего не будет, вот что».

– Сто седьмой? – к удивлению капитана, задумчиво переспросил хозяин. – Из дивизии «Мертвая голова»? Есть такой. Только я не понимаю, почему вас вдруг заинтересовал именно он. Неужели в архивах всплыли какие-то документы, касающиеся его участия в боевых действиях?

– Не совсем так, – сказал заместитель прокурора с кислой миной, означавшей, что спокойная и непринужденная повадка хозяина ему не по нутру. – Хотелось бы знать, не покидал ли этот танк территорию полигона на протяжении, скажем, последней недели.

Наступила довольно продолжительная пауза, в течение которой Кулешов и его спутник, одетый, как пленный фриц, с одинаковым выражением вежливого недоумения рассматривали заместителя прокурора. Выглядело это так, словно господин советник юстиции только что на полном серьезе объявил себя единоличным властелином плоской Земли, а также слонов и гигантской черепахи, на коих зиждется земная твердь. Тот, кто так смотрит, как правило, прикидывает, вызвать собеседнику «скорую» или просто пропустить сказанную им глупость мимо ушей. Зернов предположил бы, что эта пантомима разыграна нарочно, а может быть, даже заранее тщательно отрепетирована, но он накопил уже достаточно опыта оперативной работы, чтобы видеть: Кулешов и его спутник не притворяются, они действительно изумлены.

– Сто седьмой? – будто не веря собственным ушам, для разгона еще раз переспросил Кулешов. Его странный спутник неопределенно хрюкнул, дернул себя за утиный козырек вермахтовского кепи и стал демонстративно смотреть в сторону. – На этой неделе? Вряд ли, вряд ли. Как и на прошлой, и на позапрошлой…

– И он сейчас на месте? – не сдавался прокурор. – Вы в этом твердо уверены?

Кулешов еще немного помолчал, с сомнением глядя на него, как будто до сих пор не мог решить, как поступить: ответить на поставленный вопрос или все-таки вызвать карету «скорой помощи» из ближайшей психиатрической лечебницы.

– Теоретически, – сказал он, наконец, – его могли утащить и, скажем, сдать в металлолом – все-таки, знаете ли, сорок тонн железа, это вам не крышка канализационного люка и не чугунная ванна. Практически же эта задача трудновыполнима, а с учетом того, что территория охраняется… Короче, эта овчинка не стоит выделки даже с точки зрения коллекционера, как и я, помешанного на истории Второй мировой. Так что, полагаю, он стоит там же, где простоял последние двадцать лет.

– Хотелось бы в этом убедиться, – не сдавался прокурор. – А в идеале еще и получить доказательства того, что данная машина не покидала территорию полигона.

– «Это неописуемо», – сказала собака, глядя на баобаб, – вполголоса пробормотал капитан Самарцев. – В смысле – недоказуемо.

Зернов не успел кивнуть, соглашаясь с коллегой, потому что хозяин снова его удивил, непринужденно заявив:

– Нет ничего проще. Полагаю, ваши люди сумеют все увидеть и оценить без вашего участия, – добавил он, соизволив, наконец, заметить спутников господина советника юстиции. – Туда семь километров по бездорожью, на что оно вам сдалось? Если хотите, мы сможем отлично пронаблюдать за процессом с моего НП. – Он указал на верхушку холма, где находилось невидимое с этого места бетонное сооружение, на присутствие которого намекала только вонзающаяся в голубое сентябрьское небо тонкая игла стальной мачты. – Там отличная стереотруба с сорокакратным увеличением, настоящий Карл Цейс. Я предложу вам кофе, а вы, быть может, не откажете мне в любезности объяснить, чем вызван интерес областной прокуратуры к моему сто седьмому. Анатолий Степанович, – обратился он к своему одетому в мышастую униформу без знаков различия спутнику, – устрой господам офицерам экскурсию. И возьмите Вилли, незачем им гробить подвеску на наших кочках. Пойдемте, – сказал он прокурору, сделав приглашающий жест в сторону крыльца, по обе стороны которого торчали, растопырив стальные лапы треножников, тяжелые станковые пулеметы времен последней германской войны. – Не беспокойтесь о доказательствах, вы их получите, и они, смею надеяться, будут весьма убедительными.

Глава 5

Дрожащий, как малиновое желе, в восходящих потоках горячего воздуха раскаленный шар дневного светила уже почти касался всхолмленного песчаными барханами голого горизонта, когда Глеб остановил угнанную в приморском Кишне машину на обочине пустого шоссе. На фоне окрашенного в неправдоподобно яркие закатные цвета неба темнели неподвижные, будто нарисованные на театральном заднике силуэты финиковых пальм. За спиной, на востоке, небо уже пошло наливаться густым ультрамарином, над дюнами пригоршнями рассыпанных карнавальных блесток заблестели первые звезды – по-южному крупные, яркие, дрожащие. Мимо, хлестнув в борт машины волной горячего, с песочком, воздуха, пронесся большегрузный тягач. Замысловатая вязь арабских букв на его номерном знаке была похожа на прогрызенные жучком-древоточцем в толще сосновой доски ходы. Тихонько насвистывая «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна», Глеб отыскал в бардачке упаковку влажных салфеток и тщательно удалил со всего, к чему прикасался, отпечатки своих пальцев.

После кондиционированной прохлады обшитого светлой натуральной кожей салона слегка ослабевшая к вечеру, но все еще свирепая аравийская жара навалилась на него, как тонна раскаленного песка. Если верить показаниям спутникового навигатора и собственной памяти, до места назначения осталось что-то около пятнадцати километров. Бензина в баке хватило бы еще верст на двести с гаком, но рисковать, бросая краденый автомобиль прямо под окнами своего временного пристанища, Слепой не хотел. Йемен – страна богатая и благополучная; это сочетание, как правило, предполагает хорошо налаженную работу полиции, и уже одно то, что иностранцу без документов удалось проехать без малого триста километров на чужой машине, было сродни чуду. Объяснялось это чудо, вероятнее всего, тем, что хозяин до сих пор не хватился своего уведенного от коновязи стального коня, но искушать судьбу и дальше было бы просто неразумно.

Подошвы грубых рабочих ботинок отбивали размеренный походный ритм по пыльной каменистой обочине, на смену дневной жаре потихоньку кралась ночная прохлада. Вскоре краденый «кадиллак» превратился в крошечное белое пятнышко на склоне пологого холма, потом в яркую красную искру отраженного ветровым стеклом закатного солнца, а когда Глеб обернулся в очередной раз, исчезла и она.

Темнота наступила почти так же быстро, как это случается в кинотеатре, когда там перед началом сеанса постепенно убавляют свет. Тонкая полоска заката над западным горизонтом догорела и погасла, над головой раскинулся высокий звездный купол. Здесь не было искусственных источников света, которые соперничали бы со звездами, что позволяло Глебу насладиться созерцанием Млечного Пути во всей его полузабытой, волнующей и загадочной красе. Время от времени в темноте вспыхивали фары встречного или попутного автомобиля; заметив их далекие отсветы, Сиверов всякий раз сходил с дороги и приседал, а то и ложился, от души надеясь, что не потревожит сон какого-нибудь скорпиона или, чего доброго, змеи.

Он ждал погони, но ее все не было. Угнанный в Кишне «кадиллак» был припаркован рядом с яхт-клубом. Возможно, его хозяин владел еще и яхтой и в данный момент наслаждался видом звездного неба на палубе в компании пары-тройки знойных красоток в бикини или просто мирно спал в каюте под убаюкивающий плеск волн, пребывая в блаженном неведении по поводу судьбы своей дорогой американской телеги. Оставалось только ему позавидовать: о том, что его машину угнали, этот холеный субчик в капитанской фуражке с белым верхом узнает от полицейских только после того, как она найдется, целая и невредимая, на обочине второстепенного шоссе. Блаженное неведение представляло собой состояние, которого Глеб Сиверов не испытывал уже очень давно. И теперь, по прошествии десятилетий, не

знал, хорошо это или плохо – пребывать в неведении по поводу того, что происходит вокруг. Наверное, плохо, потому что опасно – почти так же, как вести автомобиль с закрытыми глазами. Но, черт возьми, до чего же приятно!

В данный момент он тоже пребывал в неведении – правда, только частичном и далеко не блаженном. Кое-какие планы на ближайшее будущее у него, конечно, имелись, но даже генерал Потапчук не был до конца уверен, что законсервированная много лет назад явка, которой собирался воспользоваться Слепой, до сих пор существует.

Время близилось к полуночи, когда, поднявшись на гребень очередной возвышенности, он увидел впереди взятое в косматую раму пальмовых крон озеро ярких огней в темном море ночных песков. Заметная издалека, будто повисшая в воздухе неоновая вывеска гласила: «Desert Paradise» – «Рай в Пустыне», или что-то в этом роде.

– Вот мы и дома, – сообщил мерцающим над головой звездам Глеб Сиверов и, ускорив шаг, стал спускаться с холма.

Слева от шоссе, дыша влажным, накопленным за долгий день теплом, тихо лежало под звездами Аравийское море. Дорога мало-помалу забирала вправо, в сторону пустыни. Отель, к которому с каждым шагом приближался Глеб, стоял между ней и берегом. Это было небольшое, уютное, скромное по здешним запредельно высоким меркам заведение – приют усталых путников, любителей уединения, не шибко раскрученная, но приносящая твердый и вполне себе приличный доход база дайверов. Хозяин этого укромного местечка носил не блещущее оригинальностью арабское имя Али и в незапамятные времена получил образование в далекой холодной России. Глеб не имел ни малейшего представления, кто, когда, при каких обстоятельствах и на каких условиях его завербовал; ясно было, однако, что эти самые условия господина Али вполне устраивают. Еще бы они его не устраивали! Насколько было известно Слепому, вся работа упомянутого господина на российские спецслужбы сводилась к тому, чтобы держать в постоянной готовности отдельный номер на тот случай, если в нем вдруг возникнет нужда. Оплачивалась эта непыльная работенка регулярно и весьма щедро, а какой владелец гостиницы откажется год за годом получать плату за номер, не имея при этом никаких хлопот с его постояльцами?

С учетом вышеизложенного Глеб очень надеялся, что лояльность господина Али по отношению к полузабытой за давностью лет стране снегов и балалаек не пошатнулась. В противном случае положение обещало стать не то чтобы катастрофическим, но весьма и весьма неприятным: Аравийский полуостров плохо приспособлен для дальних пеших прогулок без гроша в кармане, без документов и даже без головного убора, в перемазанной машинным маслом рванине и при полном отсутствии хоть сколько-нибудь убедительной легенды.

Надежды его оправдались, а опасения оказались напрасными. Пока он шел через холл к стойке рецепции, смуглый усатый портье смотрел на него, как чистоплотная хозяйка на ползущего по праздничной скатерти таракана. Усач имел вид человека, искренне надеющегося, что увиденный им наяву кошмар вот-вот развеется, как мираж, и не знающего, что делать, если этого не произойдет. Однако, когда Глеб на оксфордском английском доложил ему, что должен передать господину Али привет от проживающего в Европе племянника, портье мгновенно преисполнился радушия – видимо, был заранее предупрежден. Не откладывая дела в долгий ящик и демонстрируя весьма похвальное пренебрежение формальностями, он вручил Глебу ключ от номера. В услугах носильщика явившийся посреди ночи на своих двоих и с пустыми руками постоялец явно не нуждался, а коридорного портье звать не стал – надо полагать, из деликатности. Коридорному полагается давать на чай, а одежда гостя прозрачно намекала, что он нуждается в деньгах гораздо сильнее, чем здешняя обслуга. Глеб остался этим весьма доволен, поскольку, научившись скрывать неприязнь ко всяческого рода холуям, преодолеть ее так и не сумел.

Он еще не успел толком осмотреться в своих блистающих чистотой апартаментах, когда в дверь постучали, и в номер, кланяясь, вошел пожилой седоусый араб в сопровождении нагруженного подносом с едой и питьем слуги. Несомненно, то был господин Али собственной персоной, что он немедленно и подтвердил, представившись и спросив, как обстоят дела у его европейского племянника. Услышав в меру идиотский, как все фразы подобного рода, отзыв, он окончательно проникся к Глебу расположением, чуть ли не взашей вытолкал из номера едва успевшего поставить поднос на стол официанта и с ностальгической грустью поинтересовался, как там Москва.

Глеб пожал плечами и, удивленно заломив бровь, задал встречный вопрос: а с чего, собственно, любезный хозяин решил, что гость прибыл из России? Араб с извиняющейся улыбкой ответил, что ему так показалось, и, благоразумно оставив скользкую тему, как бы между прочим поведал о набитом вооруженными до зубов людьми вельботе, задержанном на рассвете патрульным катером береговой охраны у побережья близ мыса Фартак. Поначалу капитан принял этих людей за сбившихся с курса сомалийских пиратов и едва не расстрелял вельбот, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что это никакие не сомалийцы, а русские. Сопротивления они не оказали, но закон есть закон, и до выяснения обстоятельств всех их подвергли аресту, тем более что для команды потерпевшего бедствие сухогруза их оказалось чересчур много, да и на моряков торгового флота большинство из них совсем не походило.

– Это передают в новостях каждый час, – закончил хозяин. – Наверное, поэтому я и вспомнил Москву. Подумал, что вы, может быть, тоже с того корабля.

Говоря это, он весьма выразительно смотрел на испещренную пятнами машинного масла и графитовой смазки одежду Сиверова, которой мало помогло даже продолжительное пребывание в морской воде.

– Нет, – отрицательно качнув головой, ответил Глеб, – я не оттуда. Сами подумайте, как я мог всего за день добраться до вас от мыса Фартак – пешком, в таком виде, без единого риала за душой?

– Да, – ровным голосом согласился хозяин, – это было бы затруднительно.

Предложив располагаться и чувствовать себя как дома, господин Али, наконец, откланялся. Глеб последовал приглашению и, проводив его до дверей номера, первым делом залез под душ. Поначалу ему показалось, что из душевой воронки льется соленая вода, но он быстро понял свою ошибку: вода была самая обыкновенная, пресная, просто после длительного купания в море и пятнадцатикилометровой пешей прогулки через пустыню его кожа покрылась таким слоем соли, что смыть ее удалось далеко не сразу.

Справившись с этой нелегкой задачей, Глеб обрядился в пушистый гостиничный халат и отдал должное угощению радушного хозяина. Улыбкам и сладким речам смуглых сынов Востока он перестал верить давным-давно, еще в прошлой жизни, манера господина Али совать нос в чужие дела нравилась Глебу еще меньше, чем его общительность, но выбирать не приходилось. Кроме того, сдав его властям, хозяин не получил бы никакой выгоды, зато потерять мог многое – в первую очередь, давно сложившееся, устоявшееся и очень выгодное для него деловое партнерство.

Сверившись с часами, он включил телевизор: если хозяин не соврал, как раз сейчас должен был начаться очередной выпуск новостей. И верно: едва экран осветился, Глеб увидел знакомые лица, обладатели которых гуськом, с донельзя хмурым и недовольным видом, под вооруженным конвоем входили в гостеприимно распахнутые двери полицейского участка. Диктор говорил по-арабски, бойкой скороговоркой, так что Сиверов разбирал только отдельные слова, титры отсутствовали, но зрелище, которое являл собой Ираклий Шалвович Пагава со скованными стальными браслетами наручников запястьями, говорило само за себя. Оно пролило целительный бальзам на усталую душу агента по кличке Сле-

пой; можно было не сомневаться, что этот скользкий тип не задержится в местной кутузке надолго, но на какое-то время о нем можно было с чистой совестью забыть.

Мотор спасательного вельбота Глеб вывел из строя заранее. Когда заложенный в машинном отделении заряд взрывчатки разрушил судовой дизель и пробил в днище приличных размеров дыру, у команды и пассажиров «Стеллы ди Маре» осталось еще довольно времени, чтобы спокойно, без паники и давки, спустить вельбот на воду и покинуть тонущий сухогруз. До находящегося в пределах прямой видимости берега они могли дойти и на веслах, а вот гоняться в темноте за одиноким пловцом, который поднес им такой подарочек, без мотора было бы затруднительно. Возможно, обозленный срывом крупной сделки Пагава и предпринял такую попытку, но Глеб в этом сомневался: Ираклий Шалвович был человек разумный, здравомыслящий и, как всякий профессиональный игрок, умел не только обеими руками сгребать со стола фишки, но и проигрывать.

Стармеха дядю Петю по телевизору не показали. Возможно, он просто не попал в кадр, но Глеб подозревал, что причина в ином: взрыв произошел в машинном отделении как раз во время дяди Петиной вахты, и шансов уцелеть у него было немного. Это было довольно грустно, но Глеб не хотел себя обманывать: стармех подписал себе смертный приговор уже давно – в тот самый день и час, когда дал согласие на сотрудничество с «компетентными органами». После преднамеренной поломки судовой машины и последовавших за нею событий с участием моториста Молчанова, который был взят на борт не без протекции дяди Пети, Пагава все равно бы его пристрелил, предварительно выпытав все, что он знал. Взрывчатку, которая его прикончила, на борт пронес он же – кто-то передал ему тяжелую сумку, и он протащил ее на корабль и спрятал, где ему велели, даже не удосужившись заглянуть внутрь. Круг совершенных под влиянием обыкновенной трусости и глупости необратимых поступков, таким образом, замкнулся; каждый сам виноват в своей смерти, гласит восточная мудрость, и в отношении дяди Пети это было верно на все сто процентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.